

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Никулин А.М., Троцук И.В., Куракин А.А.

**Аграрная трансформация сельскохозяйственных
предприятий и регионов стран БРИКС и ЕС:
компаративистский анализ**

Москва 2018

Никулин А.М. директор Центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Троцук И.В. – ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Куракин А.А. старший научный сотрудник Центра аграрных исследований ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа представляет собой первый шаг в разработке модели систематического сопоставительного анализа траекторий аграрной трансформации регионов стран БРИКС и ЕС. Эта модель призвана, с одной стороны, совместить характерную для современных экономических исследований макро-оптику государственного планирования и статистических оценок с микро-оптикой эмпирических проектов, отслеживающих реальные локальные практики аграрного развития конкретных сельских территорий и регионов по целому ряду ключевых показателей; с другой стороны, показать степень преемственности реализуемых сегодня региональных и страновых сценариев аграрных трансформаций по отношению к прежним (недавним или исторически отдаленным) принципам экономического реформирования.

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2017 год.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблематики исследования обусловлена тем, что современная сельская Россия, в значительной степени ориентированная на самостоятельное аграрное развитие и продовольственный суверенитет в условиях международных ограничений и последствий международных санкций и ответного продовольственного эмбарго, нуждается, как никогда, в пристальном и систематическом сравнении траекторий собственной аграрной трансформации с траекториями аграрных изменений ряда других, сопоставимых с ней по ряду социально-экономических и социокультурных характеристик стран на уровне, прежде всего, аграрных предприятий, муниципалитетов, а также ряда ключевых институтов сельского развития.

Основная цель исследования: провести компаративистское сравнение базовых аграрных стратегий и моделей социально-экономического развития сельской России с наиболее показательными (эталонными или типическими) представителями аграрного развития постсоциалистических стран, стран ЕС и стран БРИКС. В работе обозначено особенное и общее в предлагаемых «сверху» и реализуемых «снизу» направлениях аграрного развития России (и изменения сельских территорий) в сравнении с постсоциалистическими, западноевропейскими и странами БРИКС по ряду ключевых индикаторов социально-экономического развития и основополагающих институций сельской жизни (формальная и неформальная экономика сельских домохозяйств; сельско-городская миграция; межпоколенческая динамика; землепользование, природопользование и экология; сельское инновационное развитие на региональном и локальном уровнях; социальные группы на селе, активно влияющие на формирование региональной и муниципальной политики и обеспечивающие выживание сельских поселений в разных типах регионов и территорий, используя институциональные и иные возможности и т.д.).

1 Аграрная трансформация сельскохозяйственных предприятий и регионов стран БРИКС и ЕС

При ответе на вопрос, из какой изначальной исторической точки международного сельского развития следует приступить к компаративистскому анализу траекторий аграрных путей стран БРИКС, ЕС и России, следует обратиться ко времени 1920-х годов, хотя тогда, конечно, еще не существовало, ни Европейского Сообщества, ни постсоветской России, а Бразилия, Индия, Китай и Южная Африка владели в значительной степени колониальное или полуколониальное существование¹. Но именно в 1920-е годы выкристаллизовывались те фундаментальные структуры и противоречия мирового аграрного развития, которые особо драматическим образом трансформировались не только весь XX век, но фактически продолжают интригу своего существования и в начале XXI века в избранных для исследования странах. Это утверждение основывается, прежде всего, на работах Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики А.В. Чаянова (ведущего аграрного аналитического центра мирового уровня своего времени), который во второй половине 1920-х годов в ряде международных аграрных публикаций проанализировал концептуальные основания компаративистского анализа перспектив аграрного развития ключевых регионов Европы, Азии, Америки и Африки.

Квинтэссенцией международного аграрного опыта в связи с перспективами сельского развития советской России является аналитическая записка Чаянова В.М. Молотову, написанная в начале октября 1927 года для обсуждения завершения периода послевоенного восстановления народного хозяйства СССР и перспектив первой пятилетки в связи с международным аграрным положением. Свое изложение Чаянов начинает с краткого обзора исторической эволюции мирового сельского хозяйства нескольких последних десятилетий. Он выделяет два полюса этой эволюции: западный (американский, характерный, прежде всего, для Северной Америки, но в значительной степени и для Южной Америки, а также для Южной Африки и Австралии) и восточный (индийско-китайский, характерный также для восточных аграрно-перенаселенных стран – соседей Индии и Китая). В центре американского типа сельского развития находятся фермерские хозяйства, где типичный фермер трудится вместе с двумя-тремя наемными

---

¹ В подтверждение обоснованности временного выбора можно сослаться на недавно изданную коллективную монографию «Аграрная Европа в XXI веке» [1], в которой первая глава «Теоретические аспекты аграрной политики в условиях глобализационных процессов» начинается с изложения чаяновских взглядов. Впрочем, авторы этой главы не подвергают анализу те чаяновские работы, которые находятся в фокусе данного исследования.

работниками в своем экстенсивном, значительно механизированном и механизированном семейном хозяйстве, плотно контролируемом развернутой вертикальной системой капиталистической концентрации через банковские кредиты, элеваторные, мелиоративные, торговые компании, извлекающие из фермерства значительную прибыль. Индийско-китайский полюс сельского развития характеризуется аграрным перенаселением крестьянства в условиях продолжающегося господства феодально-общинного строя, исключительной трудоемкостью сельского хозяйства, повсеместным распространением условий кабальной аренды, кредита, найма рабочей силы.

Остальные регионы мира в некоторой степени находятся между этими двумя полюсами, и Россия в конце XIX – начале XX века являет собой парадоксальную «порайонную смесь» этих полярных типов. Именно пореформенная русская деревня, выпутывавшаяся из остатков феодальных отношений, оказалась, по мнению Чаянова, перед Первой мировой войной на «жесточайшем переломе, сопровождающем переход от феодального строя к товарному» [2, с. 207]. С точки зрения рыночной экономики Соединенные Штаты изначально заселялись рационально – по зонам экономической интенсивности, определяемых рыночной конъюнктурой, в России с XVII по конец XIX века основная масса населения размещалась почти вне зависимости от рынка, скапливаясь, прежде всего, в плодородных регионах, а затем в регионах, находящихся в относительно безопасном стратегическом положении. В итоге к началу XX века российское население размещалось регионально «в вопиющем несоответствии... требованиям рынка» [2, с. 207]. Региональная картина России включала в себя районы тяжелейшего аграрного перенаселения в плодородных центрально-черноземных регионах – «подобия китайского земельного режима» [2, с. 208]; в нечерноземных областях кризис аграрного перенаселения одновременно смягчался и отягощался массовым отходничеством в центрально-промышленные города; в степном и недонаселенном юго-востоке Поволжья, Северного Кавказа и Сибири действительно происходила стремительная американизация российского сельского хозяйства – изживание докапиталистических форм, рост фермерства, механизированного и механизированного, в условиях реальной капиталистической социально-экономической дифференциации.

От истории обращаясь к современности, Чаянов так характеризует поляризованную интригу сельского развития мира конца 1920-х годов: «Кооперативно организованный фермер, вошедший через смычку с банком в систему капиталистического организованного хозяйства – вот герой дня земледелия обеих Америк, Австралии и Южной Африки... В противоположность этому в аграрно-перенаселенных странах, за исключением Японии, положение дел осталось почти то же, что и до войны» [2, с. 208].

Послевоенная, послереволюционная деревня сильно переменилась. Во-первых, в деревнях теперь задает тон новое молодое поколение крестьян, прошедшее через события мировой войны и российской революции, его мировоззрение расширилось, оно ждет дальнейших перемен и готово к переменам. Традиционная власть консервативных стариков-бородачей местами фатально подорвана, местами даже свергнута. Во-вторых, агрономическая наука и кооперация 1920-х годов, восприняв и развив усилия земской агрономии, способствуют реальному прогрессу крестьянских хозяйств. Именно в этих условиях у советской России появляется шанс определиться с собственным новым, более эффективным путем развития, избегая Сциллы американско-фермерской зависимости от финансового капитала и Харибды индийско-китайской стагнации крестьянского перенаселения. Вместо американской вертикальной аграрной интеграции через господство финансового капитала над фермерами, советская вертикальная аграрная интеграция должна представлять собой развитие самых разнообразных форм рыночной сельскохозяйственной кооперации, строящихся и контролируемых социалистическим государством. Чаянов так поясняет принципиальное отличие советской вертикальной интеграции по сравнению с американской: «Постепенное развитие элементов общественного хозяйства должно идти по линии: кредит – закупка – сбыт – вспомогательные к сельскому хозяйству предприятия – организации первичной переработки... – обобществление целого ряда отраслей в крупные кооперативные предприятия. Именно эта форма накопления в нашей деревне социалистических элементов одна только может противостоять развитию фермерского типа тенденций» [2, с. 219]. Чаянов отмечал, что даже фермерство может развиваться в таких условиях, но его капиталистический потенциал не страшен при господстве крестьянской кооперации, где социалистическое государство контролирует все ключевые экономические позиции.

Обращение к политике раскулачивания и коллективизации возникло из экономических и политических затруднений советской власти с хлебозаготовками в 1928 году. Партийное руководство утверждало, что ему не хватает для успешного проведения политики индустриализации около 100 млн. пудов товарного хлеба, утаиваемого крестьянством ведомым кулачеством [3, с. 680]. Чтобы изъять у крестьян достаточно хлеба для необходимой индустриализации и урбанизации, И.В. Сталин настаивал, прежде всего, на применении репрессивных внеэкономических мер по отношению к деревне в духе военного коммунизма. Одновременно, Сталин инициировал амбициозный план создания в южных степных районах СССР сети гигантских совхозов – государственных агрофабрик с их предполагаемой стопроцентной механизацией [4].

Всем известно, что политика нажима на крестьянство конца 1920-х годов вызвала сопротивление не только среди крестьян, но даже в кругах партии и интеллигенции. Параллельная коллективизации идея форсированной «совхозизации» также была встречена в научных и партийных кругах достаточно скептически, за исключением когорты молодых аграрников-марксистов, грезивших о новейшем пришествии высокомеханизированного социализма в деревню [5]. На специальном совещании с экспертами по сельскому хозяйству под эгидой Молотова и Калинина, также профессоров старой агрономической школы, высказалось много предупреждений об опасности форсированного создания фабричных агрогигантов в засушливых степях, где непредсказуемые погодные условия, несовершенства транспортной и складской инфраструктуры, неотработанные аграрные технологии стопроцентной механизации могли привести к фатальной неудаче амбициозное совхозное строительство [6]. Сталин был непреклонен: проектами гигантских совхозов он даже шантажировал противников внеэкономического нажима на крестьян, утверждая, что ему все равно, откуда будут взяты недостающие для индустриализации 100 млн. пудов хлеба [4, с. 17-18]. Одновременно набирала обороты компания восхваления агрофабричной стопроцентной американизации сельского хозяйства. В 1929 году в СССР для консультаций совхозного строительства был приглашен с визитом знаменитый американский агропредприниматель Томас Кемпбл, хозяин крупнейшей в мире стопроцентно механизированной агрофабрики на площади в 36 тысяч гектар в штате Монтана [7].

Чаянов принимает вызов и с 1928 по 1930 годы публикует дюжину статей, посвященных проектированию крупных зерновых совхозов. В этих статьях он затрагивает и столь модную тему проектирования по образцу американцев крупных агропредприятий. Чаянов фактически первым среди советских экономистов в 1928 году в статье «Совхозы-гиганты. Дегорский комбинат: что мы можем заимствовать у Америки? Проблема ликвидации аграрного перенаселения» ставит принципиальный вопрос о сходствах и различиях, перспективах двух путей развития сверхкрупного аграрного производства – американского и советского. Он скептически относится к некритической эйфории заимствования американского опыта в начинаниях совхозного строительства среди юго-восточных степей СССР: «Очень многие склонны полагать, что эти начинания представляют собой просто попытку перенести американскую технику тракторного хозяйства в условия нашей засушливой полосы. Нечто вроде переноса клеверной системы Форда на наши заводы. Стоит, однако, более внимательно приглядеться к дебатующим сейчас проектам, чтобы убедиться, что не в Америке тут дело, и вот почему...» [8, с. 3].

Но если в малолюдных советских степях предстояло решить фактически лишь доселе не ставившуюся организационную задачу сверхкрупного аграрного производства, то,

например, в предгорьях Кавказа добавлялась и сложнейшая социальная проблема, которую Чаянов на примере знаменитого в то время на всю страну Дигорского эксперимента по созданию агрокомбината в Северной Осетии описывал следующим образом: «На территории будущего Дигорского комбината с большой скученностью живет 12000 человек населения (в том числе около 6000 рабочего возраста). Задыхаясь от малоземелья, они развивают сверхинтенсивные формы хозяйства, форсируя развитие трудоемких культур и оплачивая высокий валовой доход района снижением производительности труда. Закреплять эту ситуацию в комбинате бессмысленно. Однако одно введение американской техники, обработки и уборки сразу сделает излишней половину рабочей силы. Подбор культур по наибольшей производительности труда, а не по валовому доходу, сократит ее до 30-40 процентов от теперешней. Поэтому, освобождая этот труд от земледелия, мы должны дать ему приложение со столь же высоким коэффициентом производительности. Отсюда неизбежная идея о комбинате, то есть о дополнении сельского хозяйства индустриальным производством и специальными отраслями, способными поглотить освобождающийся труд. Вряд ли нужно говорить, что при такой постановке организационной работы в Дегорском комбинате ставится самая важная, самая острая, и самая неотложная из всех проблем нашего народного хозяйства – проблема ликвидации аграрного перенаселения. В направлении решения этой проблемы ни Америка, ни другие страны не могут дать нам ничего. Вся работа, вся ответственность за ее результаты ложатся на нас самих» [8, с. 3].

Последующие 2,5 года своей работы, вплоть до ареста по обвинению в организации антисоветского заговора в начале 1930 года, Чаянов посвятит разработке оптимальных планов и форм гигантских совхозов и агрокомбинатов. Накануне ареста Чаяновым была даже подготовлена к печати специальная монография о перспективах сверхкрупного советского земледелия, которая бесследно исчезла среди его конфискованных при аресте документов [9]. В принципе Чаянов полагал, что в советских условиях можно было бы реализовать план амбициозной, доселе нигде не виданной в мире системы сверхкрупного аграрного производства. Но на пути его воплощения в жизнь, предупреждал Чаянов, перед СССР в 1930 году стояли две труднейшие проблемы, без разрешения которых план оказывался невыполнимым, – недостаточного финансового и кадрового обеспечения совхозного строительства. Особенно Чаянова беспокоил кадровый вопрос, и в декабре 1929 года он писал: «Наш старый агрономический персонал незначителен по своему количеству и воспитан на навыках совершенно иного типах хозяйств и иной техники. Поэтому для нас вопрос о кадрах – это не вопрос подбора, а вопрос создания. Нам думается, что сеть наших вузов и техникумов будет бессильна в кратчайшие сроки, которые лежат перед нами, дать нужные гигантские по своим размерам кадры» [10, с. 101]. Предупреждал Чая-

нов и об опасности забюрократизированности процессов организации совхозов, сводящих на нет экономическую эффективность такого типа государственных предприятий [11]. На самом деле в 1932 году совхозное строительство (наряду, конечно, с колхозным) постиг жесточайший экономический, технологический и экологический кризис. Поля агрогигантов зарастали сорняками, деморализованная рабочая сила разбегалась [12].

Возникает вопрос, почему наследие Чаянова, спешно запрещенное в России, оказалось также быстро и прочно забытым за рубежом к середине XX века? Лишь отдельные редкие ссылки на Чаянова можно встретить с 1930 по 1950-е годы в особо эрудированных аграрных публикациях в США, Германии и Японии [13]. Почему наследие Чаянова так экзотически-легендарно заново пришлось открывать в 1960-е годы, обнаружив среди индийских аграрников огромный интерес к рекомендациям какой-то книжки на немецком языке «Теория крестьянского хозяйства» какого-то по-видимому «германского профессора Шаянова», – английские и французские ученые перевели и опубликовали отчасти на английском, отчасти на русском избранные произведения заново открытого ими для мира российского аграрника Чаянова [14, с. 152]. По-видимому, глобальный политический и экономический кризис 1929 года и последовавшие за ним катастрофические социальные события 1930-х годов в Германии, Восточной Европе [15] и СССР [16] нанесли роковой удар по классической германской и российской аграрно-экономической науке с их стремлением развивать особую аграрную политэкономия и социологию. На смену германо-российскому энциклопедическому аграризму, претендовавшему на особую аграрно-экономико-философскую теорию социального развития [17], на несколько десятилетий приходит универсально эмпирико-прагматичный-прогрессистский американо-саксонский стиль аграрных исследований.

Но крах колониальной системы, сопровождаемый возникновением и ростом стран третьего мира, с их значительным и разнообразным крестьянским населением в 1960-е годы, многообразные пути зеленой революции, трансформация экономик стран социалистического блока в конце XX века, а в настоящее время и поиски многополярных направлений сельско-городского развития стран БРИКС формируют новый интерес к переосмыслению междисциплинарных и межрегиональных аграрных концепций Чаянова. Используя чаяновские теоретические подходы к созданию современной концептуальной модели сопоставительного анализа траекторий развития сельской России с аналогичными стратегиями развития ключевых аграрных стран БРИКС и стран ЕС, можно констатировать, что в центре глобализированной аграрной экономики находятся фермерские хозяйства США, Канады, Австралии и ряда старых членов ЕС, включенные в систему контроля банковского и аграрно-корпоративного капитала.

2 Теоретические и эмпирические подходы к проведению сопоставительного анализа траекторий сельского развития стран БРИКС и ЕС

Теоретические подходы к сравнению сельского развития стран БРИКС и ЕС нашли отражение в ряде новейших российских и зарубежных публикаций, посвященных проблемам аграрного развития различных регионов мира в связи с формированием особых экономических союзов. Прежде всего, отметить, фундаментальную работу Р.М. Нуреева «Экономика развития: модели становления рыночной экономики» [18], в которой рассмотрены модели рыночной экономики в основных направлениях экономической мысли: кейнсианские модели роста, неоклассические модели развития, институциональные и неинституциональные концепции рыночной экономики, леворадикальные дискуссии о генезисе рыночной экономики, модели роста человеческого капитала. Большое внимание в работе уделено развитию рынков факторов производства в становлении современных экономик, рассмотрен рынок земли и аграрные реформы в Индии и ряде азиатских стран. Специально проанализированы сравнительные характеристики авторитарных и демократических систем в развитии рыночных экономик, акцент сделан на концепции Амартии Сена «развитие как свобода». Исследование завершается разделом «Глобализация и развитие», где рассмотрены различные аспекты глобализации: глобализация как развитие мирохозяйственных связей; глобализация как развитие международных экономических организаций, наконец, глобализация как обострение глобальных проблем. Также в условиях глобализации рассматриваются вопросы национальных стратегий импортозамещения, поощрения экспорта, дифференциация национальных фирм в условиях либерализации экономики. Опыт успешного догоняющего развития, особенно на примерах Китая, сопоставляется с проблемами России в контексте экономики развития с обсуждением стратегии и тактики российской модернизации.

Современный классик международных аграрных политэкономических исследований британский социолог Генри Бернстайн в своей книге «Социальная динамика аграрных изменений» [19] реконструировал широкую панораму всемирного аграрного развития, особое внимание сосредоточив на взаимодействии локальных и глобальных тенденций в сельской жизни последних двух столетий. Используя леворадикальные политэкономические идеи, он проанализировал направления переходов от крестьянского земледелия к сельскому хозяйству через череду так называемых трех международных продовольственных режимов. Специальной критике Бернстайн подверг положение дел в мировом сельском хозяйстве в условиях доминирования идеологии неолиберализма. Им сформулирована повестка основных дискуссионных проблем глобализации в связи с ее воздействи-

ем на сельское хозяйство, как в развитых, так и в развивающихся странах: либерализация торговли; влияние мировых фьючерсных цен на торговлю сельскохозяйственными товарами; отказ от субсидий и других форм поддержки мелких фермеров с одновременным сокращением социально ориентированного финансирования сельской местности; новые организационные технологии, распространяющиеся на все товарные цепи; влияние этих технологий на возможности свободного выбора производителей и потребителей; рост корпоративного «биопиратства»; новые возможности ГМО конструирования, сокращающего биоразнообразие планеты; новые возможности биотоплива; экологические последствия всех выше упомянутых проблем; вопросы устойчивого/неустойчивого аграрного роста в различных национальных траекториях. Центральные вопросы книги Бернштейна концентрируются вокруг судеб крестьянства вообще в развивающихся странах и в особенности Бразилии, Индии и Китая. Постсоциалистические аграрные экономики, включая экономику России, Бернштейн, к сожалению, не подвергает специальному рассмотрению, лишь мельком и иногда их упоминая.

Две вышеупомянутые работы в целом концентрируются на проблемах мирового аграрного развития, прежде всего экономик развивающихся стран, но без специального выделения регионов БРИКС и ЕС. Специальные монографии, посвященные аграрной проблематике стран БРИКС и ЕС, принадлежат научным коллективам российских авторов, опубликовавших эти свои труды в 2015 [1] и 2016 [20] годах. Монография «Аграрная Европа в XXI веке» [1] открывается интереснейшей главой «Теоретические предпосылки исследования агропродовольственной сферы и продовольственной безопасности Европы». Совершенно правомерно начиная свой анализ с теоретических концепций А.В. Чаянова и Н.Д. Кондратьева, авторы обращаются к современным теоретико-методологическим подходам в изучении таких явлений, как глобализация продовольственных рынков, интеграция аграрных отраслей, развитие экспорта и импорта продукции сельского хозяйства. Характеризуя аграрное развитие современной Европы, авторы подчеркивают, что в Европейском Союзе «сохраняется глубокая дифференциация уровней развития и конкурентоспособности аграрного сектора, а также продовольственной безопасности государств Европы. К тому же высокоразвитые в аграрном отношении страны активны в реализации избытков своей продукции на внешних рынках, но отнюдь не торопятся делиться своими достижениями в других сферах» [1, с. 9].

Дальнейшее исследование аграрного развития Европы авторы основывают на теоретико-методологической взаимосвязи следующих четырех концепций: многофункциональность агропродовольственной сферы, региональная и межстрановая интеграция производства и аграрных рынков, устойчивое развитие сельских территорий, продоволь-

ственная безопасность [1, с. 27]. В книге предлагается оригинальная трактовка функций миссии агропродовольственной сферы. Авторы выделяют семь соответствующих функций: социальная, экономическая, экологическая, информационная, инновационная, институциональная, интеграционная. Первые три функции обозначаются как базовые, остальные четыре как обеспечивающие. Проанализировав каждую из функций, авторы предлагают в заключение логико-графическую модель взаимосвязи функций в системе многофункциональности агропродовольственной сферы. Также большое внимание в книге уделено методам прогнозирования в исследованиях сельского хозяйства Европы. Кроме того, в монографии рассматриваются вопросы эволюции сельскохозяйственной политики ЕС, динамика и продуктивность аграрного производства в ЕС, кластерный анализ продовольственной безопасности в ЕС, прогнозирование перспектив аграрного производства в Европе. Большой раздел книги посвящен анализу инновационных факторов и тенденций инновационного развития сельской Европы. Особые главы описывают развитие сельских территорий в ЕС, историю и современность европейской сельскохозяйственной кооперации и даже вопросы влияния изменения климата на сельскохозяйственную Европу.

Исследование «Страны БРИКС: Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития» [20], кроме собственно математических проблем компаративистского анализа, уделяет большое внимание историческим и институциональным характеристикам стран БРИКС, учитывающих и их аграрную составляющую. Большое внимание в этой книге уделяется так называемым «ловушкам» развития, например: ловушки экспортно-ориентированных развивающихся стран, латино-американские ловушки, ловушки среднеразвитых стран и т.д. Специально исследуются вопросы демографического, регионального и инновационного развития стран БРИКС. Подчеркивается, что без преодоления сильной внутрирегиональной дифференциации, модернизации социальной инфраструктуры и ускорения инновационного развития, странам БРИКС будет проблематично догнать развитые страны в качественных характеристиках сельского хозяйства и выйти на траектории устойчивого аграрного развития.

Эмпирические подходы к реализации компаративистских межстрановедческих исследований должны включать в себя, прежде всего, серию сопоставлений статистических данных, характеризующих и иллюстрирующих динамику аграрного развития избранных для исследования стран. Для начала отметим в целом громадный демографический и земельный потенциал стран БРИКС относительно остального мира (рисунки 1-2).

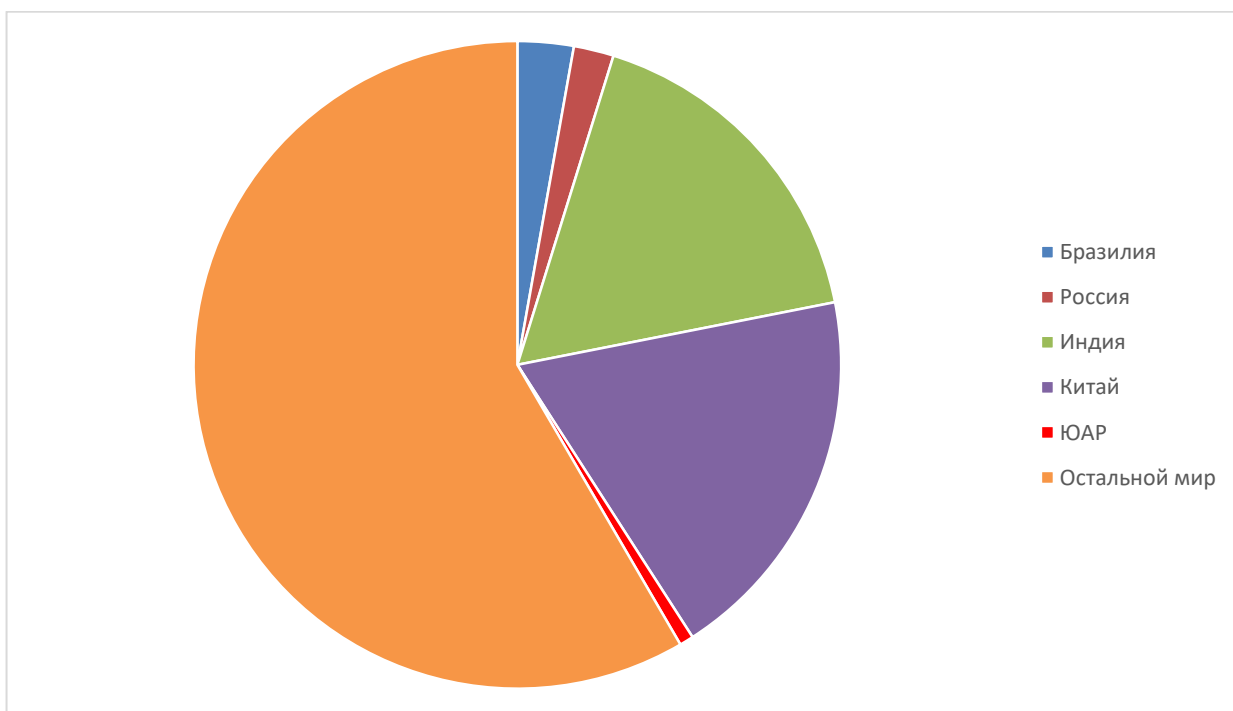

Рисунок 1 – Удельный вес стран БРИКС в общей численности населения мира, 2013 (%)

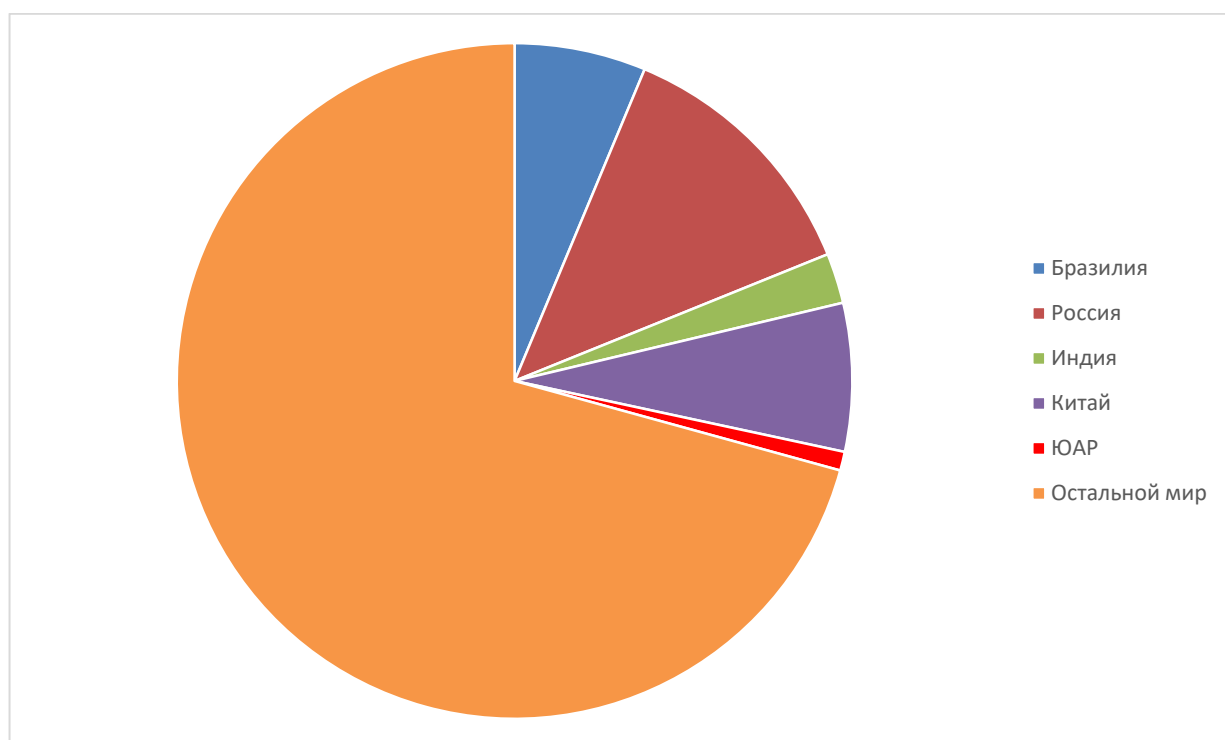

Рисунок 2 – Удельный вес стран БРИКС в общей площади территории мира, 2013 (%)

Неудивительно, что, обладая таким внушительным земельным и демографическим потенциалом страны БРИКС являются и влиятельными производителями сельскохозяйственной продукции мирового уровня. Например, производство в странах БРИКС риса, свинины, сахара тростникового, яиц куриных составляет около 50% от мирового уровня; пшеницы и томатов – более 40%, молока коровьего, мяса КРС, мяса курицы, соевых бобов – более 25% [21]. Безусловно, показатель использования земель на сельскохозяйственные нужды является одним из важных показателей для сельского хозяйства любой страны. Всемирный Банк в 2012 году отмечал, что всего в мире для сельского хозяйства используется 37,7% земель. Из стран БРИКС Китай, Индия, ЮАР используют значительную часть своих земель для сельского хозяйства – больше средних мировых показателей, Бразилия находится около среднемирового уровня, Россия – значительно ниже среднемирового уровня, что конечно объясняется северным ее месторасположением, например, когда целых две трети площади страны составляют зоны вечной мерзлоты.

Другой важный показатель значения сельского хозяйства в национальной экономике, помимо доли сельскохозяйственных земель, – доля сельского хозяйства в национальном ВВП. В таблице 6 представлены экономико-статистические данные по сельскому хозяйству стран БРИКС, включая лесное хозяйство, охоту, рыболовство, собственно полеводство и животноводство. Эти данные подтверждают, что доля сельского хозяйства Китая и Индии в ВВП еще остается высокой – 10% и 18%, в Бразилии (около 6%) и в России (4%) эта доля также несколько выше среднемирового значения, ЮАР демонстрирует самый низкий показатель (около 2,5 %). В то время как среднемировой показатель доли сельского хозяйства в ВВП составил 3,1 % в 2012 году.

Один из важных показателей производительности сельского хозяйства – показатель добавленной стоимости в расчете на одного работника. В 2012 году среднемировая добавленная стоимость, созданная в сельском хозяйстве в расчете на одного работника, составила примерно 1250 долларов США. По сравнению с этой цифрой производительность труда в сельском хозяйстве Индии (примерно 700 долларов) и в Китае (примерно 800 долларов) достаточно низка. В остальных странах БРИКС этот показатель определенно выше: в Бразилии – 5 600 долларов, в ЮАР – 6300 долларов, в России – 6 324 долларов. Тем не менее, в целом все страны БРИКС по этому показателю драматически отстают от сельского хозяйства западных стран. Показатель добавленной стоимости в расчете на одного работника в 2013 году в США составляла около 50000 долларов, в Японии – около 43000 долларов, в Германии около 30000 долларов.

Доля населения стран БРИКС, проживающего в сельской местности в 2013 году составляла: Индия – 68%, Китай – 47%, ЮАР – 36%, Бразилия 15%, Россия – 27%. Инте-

ресно, что доля сельского населения Китая в 2013-м году совпала также с общемировой долей сельского населения – 47%.

Наконец, для всех стран БРИКС в большей или меньшей степени важны такие общемировые аграрные проблемы, как истощение плодородия почвы, загрязнение воды; дефицит капитала у семейных крестьянских и фермерских хозяйств; ножницы цен между продуктами сельского хозяйства и продукцией других отраслей экономики в ущерб сельскому хозяйству; слабость социальной инфраструктуры; сильная социальная и экономическая дифференциация на сильные и слабые, богатые и бедные регионы, а также социальные страты; экспансия транснациональных агрокорпораций в сферу деятельности сельских семейных экономик; распространение генетически и синтетически модифицированных организмов в сельском хозяйстве; трудности в заимствовании, внедрении, изобретении инноваций и внедрении их в аграрную сферу.

Бразилия, изначально начинавшая свое сельское развитие, как аграрная страна детерминированная своим колониальным и постколониальным состоянием, начиная с 1970-х годов, за последние полвека совершила впечатляющий рывок в экономическом росте, в значительной степени благодаря успехам в сельском хозяйстве. Сохранив прежние еще колониальные традиции главного поставщика кофе и сахара на мировые рынки, Бразилия в последние десятилетия также вышла в мировые лидеры в производстве мяса крупного рогатого скота, птицы, сои и целого ряда других культур, став одной из главных экспортно-ориентированных держав XXI века. Стране удастся систематически расширять клин пахотных земель за счет натиска на леса Амазонии. Кроме того, из всех стран БРИКС Бразилии удалось создать наиболее успешный и динамичный научно-инновационный аграрный сектор. Надо также отметить высокий социальный активизм в сельской местности Бразилии, связанный с развитием сельскохозяйственной кооперации и политической активностью бедных слоев сельского населения. Вместе с тем, сильная региональная дифференциация, неразвитость социальной инфраструктуры, а также традиционно высокая преступность, ставят определенные препятствия для дальнейшего устойчивого развития сельской Бразилии.

В XX веке сельская Россия испытала целую серию «шоковых терапий» от гражданской войны и коллективизации до распада СССР. В настоящее время большинство сельских территорий России находится в состоянии длительной депрессии, связанной с демографической депопуляцией, сельской бедностью, слабостью социальной инфраструктуры и местного самоуправления. Вместе с тем, вокруг крупных городов, а также на плодородных южных территориях, за последние 15 лет наблюдается достаточно долговременный рост аграрного производства, особенно в производстве зерновых, а также мяса свинины и

птицы, связанный, прежде всего, с экспансией сверхкрупного аграрного производства, поддержанного российским государством. Ряд статистических данных характеризует картину траекторий аграрной экономики России следующим образом.

Китай – одна из древнейших аграрных цивилизаций на земле, совершил фантастический рывок в своем аграрном развитии последних десятилетий. По производству важнейших видов сельскохозяйственной продукции Китай уверенно вышел в мировые лидеры, например, достаточно упомянуть, что половина всего мирового производства свинины сосредоточена в Китае. Вместе с тем, китайское сельское хозяйство все еще продолжает в значительной степени страдать от аграрного перенаселения, сильной региональной дифференциации между богатым юго-востоком и бедным северо-западом. В ближайшее время в китайской сельской местности начнет сказываться проблема старения населения, вызванная государственной программой «одна семья – один ребенок».

3 Методологические принципы оценочных исследований в мониторинговом режиме (на примере кооперативного движения)

В Бразилии развитие кооперации изначально было связано с планами государства по экономическому развитию страны в 1940-80-х годах. В те годы государство в Бразилии было авторитарным, склонным к централизации и осуществлению масштабных проектов «сверху» в духе планирования, модернизации и социальной инженерии. Таким образом, сельскохозяйственное кооперативное движение не было в Бразилии автономным, поскольку инициатором его развития выступало государство. Авторитарный президент Жетулиу Варгас продвигал сельскохозяйственные кооперативы по трем основным причинам. Во-первых, он рассматривал кооперативы как средство контроля и сдерживания классового противостояния в 1930-е (по крайней мере, таковы были опасения властей). Прежде всего, кооперативы должны были задержать население в сельской местности и, тем самым, уменьшить классовые конфликты в городах, т.к. именно города рассматривались властью как потенциальная угроза возникновения бунтов. Во-вторых, кооперативы рассматривались как средство колонизации бразильских фронтиров мелкими фермерами. Кооперативы могли помочь им в этом, обеспечив доступ к кредиту, технологиям и прочим услугам. Считалось, что если предоставить фермеров самим себе, то это рано или поздно ввергнет их в нищету. В-третьих, кооперативы рассматривались как способ увеличить товарность мелких хозяйств, их связь с рынком, тем самым установив связи между городскими рынками и сельским хозяйством на фронтирах.

Усилия Варгаса привели к резкому росту числа сельскохозяйственных кооперативов. Так, с 1935 по 1945 их количество выросло с 15 до 643, а к 1960 их число достигло 1247 штук. Затем их количество стабилизировалось (в 1983 по стране насчитывалось 1207 сельскохозяйственных кооперативов, в которых числилось 1,2 миллиона членов). С 1960-х годов кооперативы по всей Бразилии стали рассматриваться как главный институт для реализации программ сельскохозяйственного расширения (колонизации территорий, в т.ч. лесов и саванн). В 1970-х годы наметилась тенденция к тому, что кооперативы стали образовываться не как ассоциации мелких фермеров, а как объединения богатых скотоводов и производителей зерна, которые получали доступ к государственным ресурсам (кредиту, технологиям и информации). Здесь произошла еще одна смычка кооперативов с государством, которое использовало кооперативы для продвижения своих программ по развитию зернового хозяйства в стране. В 1983 году более половины экспорта сельскохозяйственных кооперативов пришлось на сою. В 1999 году, согласно отчету Бразильской ассоциации кооперативов, в стране насчитывалось 1,4 тысячи сельскохозяйственных кооперати-

вов, в которых состояло свыше 600 тысяч членов. Таким образом, видна тенденция к одновременному росту числа кооперативов и уменьшению числа членов на кооператив. Отчасти это связано с укрупнением хозяйств – членов кооперативов и описанными выше тенденциями.

Политика государства в Бразилии по отношению к мелким (семейным) фермерам и их объединениям (в том числе кооперативам) прошла заметную эволюцию за последние несколько десятилетий [22]. Политика в отношении сельского развития делится на три этапа (или поколения), но в целом, политика нового времени (с 1990 по 2010) радикально отличается от политики государства, начиная с 1970-х годов, так как она стала ответом на запросы и требования общества в лице различных организаций (сельские движения, профсоюзы, сельские неправительственные организации). Первый этап (1993-1998) характеризовался тем, что был направлен, прежде всего, на аграрные проблемы. Особенно остро стоял вопрос о земле, поскольку в течение правления военной диктатуры (1964-1984) на селе сформировалась сильная поляризация: лендлорды против безземельных крестьян. После падения военной диктатуры и первых свободных президентских выборов, социальные движения заявили о себе во весь голос и стали давить на власть с требованиями более справедливого распределения земли. Здесь особо стоит отметить Бразильское движение безземельных крестьян (в англоязычной литературе оно обозначается аббревиатурой MST). В ответ на это, была разработана Национальная программа развития семейных фермеров (PRONAF), в которой впервые были признаны особенности семейных хозяйств, а, следовательно, и особый к ним подход. До этого, государство не различало мелкие и крупные хозяйства, и государственная поддержка шла, в основном, крупному сельскохозяйственному бизнесу. Также была разработана пенсионная программа для сельских жителей.

Для второго этапа (1998-2005) было характерно создание социальных и компенсационных программ для сельской местности. Иными словами, на этом этапе государство пыталось играть роль государства всеобщего благосостояния. Особую значимость получила государственная политика по продовольственной безопасности, в виде борьбы с голодом и бедностью. Одним из способов обеспечения продовольственной безопасности стала политика общественных закупок продовольствия. В 1993 году был создан Национальный совет по продовольственной безопасности. В 2004 году для мелких сельхозпроизводителей заработала Программа государственных закупок продовольствия (РАА). В рамках этой программы обеспечивались прямые связи мелких семейных фермеров и общественных учреждений (школ, больниц), в которые фермеры напрямую стали поставлять свою продукцию.

Третий этап (с 2006 года по настоящее время) характеризуется попытками интегрировать разные уровни министерств и агентств. Одна из важных черт этого поколения государственной политики заключается в попытке развития переработки (и шире – процессов, связанных с добавлением стоимости) продукции мелких хозяйств. Сюда относятся программы по развитию мелких и средних перерабатывающих предприятий, которые в Бразилии называются *agroindústrias familiares*, т.е. дословно «семейные агроиндустрии». К этому виду инициатив относятся и программы по развитию биотоплива, которые включают в цепь поставок и мелких сельскохозяйственных производителей. Программу государственных закупок продовольствия пытаются скоординировать с Программой питания в бразильских школах (PNAE), что одновременно имеет целью сконструировать новые рынки для мелких фермеров и одновременно бороться с бедностью и неравенством в городах. Центральная идея государственной политики на третьем этапе – понимание того, что с голодом, бедностью и социальным неравенством можно бороться только с обеих сторон, т.е. со стороны предложения и спроса, фермеров и потребителей.

В Китае работает примерно 750 миллионов фермеров. В разгар сельскохозяйственных реформ в Китае, стали возникать фермерские кооперативы – новая форма самоорганизации фермеров. Некоторые из них возникали по инициативе самих фермеров (снизу), однако большинство появилось благодаря государственным усилиям. Утверждается, что сельские кооперативы, в основном, усилили хозяйственную кооперацию и рыночную интеграцию [23]. Этому способствовала сельскохозяйственная политика, направленная на коммодификацию (товаризацию) мелких сельхозпроизводителей, в частности, можно отметить закон о кооперации 2007 года. Небольшая часть кооперативов образовались не столько с утилитарными, сколько с агроэкологическими и социокультурными целями. Пока им не уделяется большое внимание, однако, если страна возьмет курс на построение «зеленого общества», то они являются одним из инструментов достижения данной цели.

В последние десятилетия в китайском сельском хозяйстве произошли быстрые и драматические изменения, связанные с тем, что значительная часть сельскохозяйственного производства стала частью национальных и международных рынков. Государство поддерживало эту тенденцию с помощью программ сельского развития и технологического совершенствования сельского хозяйства. Определенную поддержку здесь оказывали и международные организации, такие как Мировой Банк и Международный фонд сельскохозяйственного развития. Еще одной тенденцией стали быстрые индустриализация и урбанизация страны, что изменило лицо сельского Китая, которое постарело и стало более женским (молодые мужчины массово мигрировали в города и в промышленность). В разгар этих перемен стали возникать фермерские кооперативы. Можно выделить несколько

источников их возникновения: 1) инициатива самих фермеров, 2) исследовательские агентства, 3) неправительственные организации (НГО), 4) государственное вмешательство. Последнее стало причиной наиболее массового роста фермерских кооперативов. Дополнительно подстегнул создание фермерских кооперативов закон о кооперации, изданный в 2007г. Этот закон дает преимущества и предоставляет стимулы для хозяйственного сотрудничества между мелкими сельхозпроизводителями. Цели закона довольно классические для государственных программ развития кооперации: создание экономии от масштаба и более регулярных (постоянных) каналов поставки продукции. Например, закон освобождает кооперативы от уплаты НДС с продукции, которую он поставляет своим членам, а также дает послабления (16% дисконт) компаниям (специально зарегистрированным), которые закупают продукцию у кооперативов.

Сельские кооперативы, помимо своей основной функции обеспечения хозяйственного сотрудничества и рыночной интеграции, могут играть и другие роли, способствующие устойчивому развитию села. Прежде всего, это агроэкологические и социокультурные функции, которые позволяют производить не только частные, но и общественные блага. Сложность и разнообразие сельского Китая делает нецелесообразным единый подход к кооперативам, когда поддержка оказывается какой-либо одной их форме. Наиболее распространенный тип кооперативов – высоко коммодифицированный тип, на который ориентируется господдержка. Менее привычные – кооперативы, ориентированные на местное сообщество. В 2008 году в Китае было 208000 кооперативов, не считая 4000 зарегистрированных на уровне округа. Кооперативы охватывают 21% всех китайских деревень, в них состоит 23,8 млн. домохозяйств-членов (как формально, так и неформально), что составляет 9,5% от всех сельских домохозяйств в Китае.

Китайский экономический рост является впечатляющим, но неравномерным. Пострадавшими от быстрых экономических перемен часто оказываются мелкие производители (семейные фермеры) и их сообщества. Побочными эффектами экономического роста оказываются усиление разрыва в уровне жизни между городом и деревней, стагнация удаленных сельских регионов на западе страны, уменьшение биоразнообразия и экологические проблемы. Также побочным следствием является феминизация и старение рабочей силы в сельском хозяйстве. Во многих сельских областях женщины составляют 70-80% рабочей силы. В конце 1970-х – начале 1980-х годов была внедрена так называемая система ответственности домохозяйств (Household Responsibility System), когда крестьяне стали самостоятельно принимать решения (и ответственность) за собственное производство, закупки и продажи [24]. Это привело к резкому росту производства зерновых в стране в целом, а также диверсифицировало сельскохозяйственное производство во многих регионах.

Однако установлению рыночной системы для закупок и сбыта мешала природа китайского сельского хозяйства, основанная на преобладании мелких сельхозпроизводителей. Дополнительным препятствием для реформ было растущее сельское население вкупе с сокращением площади пахотных земель. Средний размер фермы в Китае упал с 0.73 га в 1984 году до 0.58 га в 2007 году.

За последние десятилетия экономич

еского роста Китай потерял примерно 8.3 миллиона га пахотных земель (6.5% от всех пахотных земель в стране), причем, в основном, это происходило в прибрежных плодородных регионах, где наиболее бурно шли процессы урбанизации и индустриализации. По некоторым оценкам 130 миллионов человек в Китае (в основном, в западных и центральных провинциях) находятся в состоянии продовольственной небезопасности или недоедают [25], 150 миллионов живут за чертой бедности (1.25 долл. в день), а если эту планку поднять до 2 долл. в день, то число человек за чертой бедности увеличится до 474 миллионов. Фермеры в удаленных нагорных районах имеют менее 0.2 га земли, что не обеспечивает даже их биологического воспроизводства. Некоторые бедные фермеры вынуждены покупать еду.

Одновременно с реформами и особенно после Кооперативного закона 2007 года в Китае начали активно создаваться фермерские кооперативы. До начала реформ кооперативы полностью управлялись государством, а фермеры не имели в них никакого голоса. Первые фермерские кооперативы нового типа стали возникать еще в 1980-е годы, хотя их количество оставалось крайне небольшим вплоть до 2000-х годов. В 2008 году министерство сельского хозяйства Китая заявило о 180 тысячах зарегистрированных кооперативах, в которых состоит 24,6 миллионов домохозяйств (9,7% от всех сельских домохозяйств). Члены кооператива состоят в них как формально, так и неформально. Зачастую сами кооперативы стараются не проводить между ними разницу. Формальные члены открыто вступают в кооператив и, как правило, платят вступительные взносы. Неформальные члены ассоциированы с кооперативом слабее, хотя нередко их привлекают к различного рода кооперативной деятельности. Формальных членов насчитывается 9,9 миллионов, неформальных – 13,9 миллионов [26].

Начиная с 1990-х годов, правительство Китая начало разрабатывать меры поддержки и продвижения фермерских кооперативов. Основными задачами ставились улучшение производства и возможностей сбыта. За продвижение новых технологий и обучение членов кооперативов отвечали Государственная комиссия по науке и технологиям и Научно-технологическая ассоциация Китая. В 2008 году министерство сельского хозяйства и министерство финансов сформулировали регламент регулирования финансов и

бухгалтерской отчетности для фермерских кооперативов. Тогда же министерство сельского хозяйства и министерство торговли подготовили проект «Связь фермерских кооперативов и супермаркетов», который создавал платформу для переговоров между кооперативами и супермаркетами (прежде всего, торговыми сетями).

Наиболее часто встречающийся тип фермерских кооперативов в Китае основан на совместном сбыте произведенной продукции, т.е. это сбытовой кооператив. 22% кооперативов продают продукцию своих членов от их имени, а 40% координируют сделки с рыночными агентами. 15% кооперативов также обеспечивают сертификацию продукции своих членов. Большинство сбытовых кооперативов еще выполняют и снабженческие функции. Цели этого типа кооперативов: экономия на поставках, сбыте, уменьшение транзакционных издержек, стандартизация продукции, выход на новые рынки и цепи добавленной стоимости (супермаркеты, «зеленая» продукция). Этот тип кооперативов возник в рамках слогана «рынки для бедных», что предполагает подключение мелких фермеров к глобальным рыночным цепям. А вот кредиты эти кооперативы практически не выдают, т.к. закон о кооперации не разрешает фермерским кооперативам кредитовать своих членов. Этот тип кооперативов стремится полностью коммерциализироваться, встроиться в цепочки добавленной стоимости по принципу: корпорация – кооператив – фермеры. Гораздо менее распространены кооперативы, основанные на сообществах. Мотивация фермеров здесь иная: устойчивое сельское хозяйство, биоразнообразие, естественная ресурсная база. Примером могут являться ассоциации пользователей воды (они есть по всему миру, не только в Китае), в Западной Европе – это территориальные кооперативы, которые занимаются неэкономическими вопросами. Эти кооперативы опираются на управление местными ресурсами, а не на встраивание в вертикальные рыночные цепочки.

В Китае стремительно меняются рынки продовольственных товаров, оказывая сильное влияние в том числе и на мелких сельхозпроизводителей. Во-первых, сильно возросли потребительские запросы в отношении широты выбора продовольственных товаров, их качества, безопасности, цены и доступности. Во-вторых, переструктурировались цепи поставок, результатом чего стало появление супермаркетов, как основных точек продажи продовольствия. Оба эти изменения поставили мелких производителей в невыгодное положение по сравнению с крупными сельхозпредприятиями, государственными организациями или зарубежными поставщиками. Действительно, мелким производителям трудно попасть на полки супермаркетов из-за малого объема продукции (крупному магазину выгоднее заключать сделки на большой объем продукции). Им также тяжело соблюдать стандарты качества, безопасности и сертификационные требования к продовольственным товарам, а также поддерживать широкий ассортимент.

Одним из вариантов решения проблемы являются кооперативы. В течение длительного периода кооперативов не существовало. Сперва была централизованная плановая система закупок продовольствия, затем, когда в 1980-х годы она была отменена, мелкие сельхозпроизводители стали реализовывать свою продукцию мелким торговцам и оптовикам. С конца 1990-х годов начали появляться сбытовые сельскохозяйственные кооперативы на местах. Однако они возникали лишь в некоторых частях страны, там, где местные власти считали нужным поддержать (а чаще всего – просто инициировать) развитие кооперации. Закон 2007 года о фермерских профессиональных кооперативах действительно привел к бурному росту кооперативов. Хотя их количество постоянно росло с конца 1990-х годов, рост в масштабах всего Китая начался именно после вступления в силу этого закона. Бийман и Ху на примере провинции Хубей исследовали организационные характеристики этих новых кооперативов (т.е. появившихся во многом благодаря новому закону о кооперации), а также те услуги, которые эти кооперативы предоставляют своим членам.

Первые кооперативы в Китае появились еще в 1950-х годы и назывались «народные кооперативы» [27]. Естественно, тогда они существовали в рамках плановой экономики и марксистской идеологии. Они образовывались центральным правительством, обладали коллективной собственностью, работали на выполнение плана и были подконтрольны государству. Через несколько лет они были преобразованы (в 1958 году) в народные коммуны, членами которых стали практически все крестьяне. В коммунах, в отличие от кооперативов, собственность на землю и средства производства принадлежала коммуне и централизованно управлялась. Крестьяне были лишь наемными работниками с одинаковой оплатой труда. В 1980-е годы стала появляться новая модель кооперативов, рыночно ориентированных и с фермерской собственностью. С китайского языка название этих кооперативов переводится как «фермерские специализированные кооперативы». К концу 2006 года насчитывалось более 26 тысяч таких фермерских кооперативов. Закон о кооперации резко усилил темпы их формирования. Так, к началу 2012 года было зарегистрировано уже свыше 500 тысяч фермерских кооперативов с 43 миллионами членов (около 17% фермеров стали членами этих кооперативов). Тем не менее, фермерские кооперативы развивались по стране неравномерно. Наиболее бурно они возникали в восточной части Китая, которая экономически более развита, с продвинутыми рыночными отношениями и промышленностью. Отличительными чертами фермерских кооперативов в Китае является относительно небольшое число членов и локальность.

Тому есть несколько причин. Во-первых, схожесть местных природных условий определяет схожесть специализации, так что местным фермерам легче организовать кол-

лективную деятельность в рамках кооператива. Во-вторых, местные фермеры обладают похожим культурным багажом и экономическим опытом. В-третьих, местные сообщества обладают высокой степенью родства и доверия (также важно то, что фермеры разговаривают на одном диалекте), что облегчает договороспособность и удешевляет координацию в рамках кооператива. В-четвертых, важную роль в локализации и небольшом размере играет то, что кооперативные менеджеры являются одновременно и членами кооператива. Иными словами, редко кооперативом управляют профессиональные нанятые менеджеры. Поэтому, не имея специальных профессиональных навыков, они ограничивают кооператив местным сообществом, т.к. проще управлять однородным составом членов со схожими интересами и привычками.

Роль государства в формировании фермерских кооперативов является ключевой. Во-первых, государство на уровне законодательства и практик подталкивает фермеров организовывать кооперативы. Во-вторых, государство поддерживает кооперативы, устанавливая для них облегченное налогообложение и выдавая субсидии. Как правило, субсидии выдаются на улучшение инфраструктуры деревень, на улучшение оборудования для хранения и переработки продукции. Также государство предоставляет членам кооператива обучающие программы (например, по производственной культуре) и продвигает на рынке продукцию кооперативов. Тем не менее, государство не столько насаждает кооперативы, сколько усиливает и нормализует их развитие. В-третьих, государство не только помогает кооперативам, но и использует их в качестве инструмента для достижения своих целей. Кооперативы рассматриваются как способ повысить доходы сельского населения, развить локальные экономики и цепи поставок сельскохозяйственной продукции. Кооперативы помогают стандартизировать продовольственные товары и развить сеть торговых марок. Кооперативы являются также каналом обратной связи от крестьян к государству, усиливая голоса фермеров.

В Китае важную роль в основании кооперативов, помимо государства, играют т.н. ключевые члены кооперативов, которыми являются члены правления. Хотя чисто теоретически членом правления может стать любой член кооператива (принцип равенства очень важен для кооперативной идеологии, по крайней мере в Западном кооперативном дискурсе), как правило, ключевыми членами кооперативов в Китае становятся далеко не все. Часто в члены правления входят основатели кооператива (хотя это и не обязательное правило). Во-вторых, это человек, обладающий способностями в управлении и связями с покупателями и переработчиками. Последнее обстоятельство существенно сужает круг претендентов. Часто такими людьми становятся главы сельских поселений, бывшие работники госучреждений, местные предприниматели, просто крупные фермеры. Не по-

следнюю роль играет уровень образования. Иными словами, это люди с более высоким уровнем экономического, социального, административного и человеческого капиталов (любая комбинация из этих видов капитала).

В китайской деревне наблюдается дифференциация, когда появляется небольшая группа, элита, состоящая из крупных фермеров-предпринимателей. Это те, кто в прошлом управлял частным предприятием, работал в департаменте сельского хозяйства или те, кто по тем или иным причинам хорошо осведомлены о том, как работают цепи поставок в данном регионе. Они резко выделяются по своим возможностям (экономический, человеческий, социальный капиталы) среди основной массы фермеров, которые могут быть сколь угодно хороши в производстве, но беспомощны в маркетинге и управлении. Разница в стартовых позициях определяет и разные экономические стратегии. Простым фермерам достаточно того, чтобы продавать выращенный урожай по сносной цене. Элита же стремится конвертировать свое положение в экономический доход. Одним из способов такой конвертации является создание кооператива, когда «элитный» фермер будет получать своего рода предпринимательскую ренту через управление кооперативом. Таким образом, локомотивом создания фермерских кооперативов являются сельские предприниматели, организующие рядовых фермеров в кооператив. Как правило, размер пая ключевого члена кооператива заметно выше среднего, так что он имеет большие притязания на доход кооператива. Сам успех кооператива зачастую зависит от способностей этих ключевых членов, которые своими знаниями и связями могут принести кооперативу больше дохода, чем обычные члены, которые просто поставляют качественную продукцию. Последние покупают либо небольшую долю в кооперативе, либо платят вступительный взнос. Как правило, этот вклад незначителен для кооператива. Рядовые члены редко принимают участие в выработке решений по работе кооператива, поэтому они являются скорее участниками, нежели членами кооператива. В отличие от ориентированных на получение прибыли ключевых членов, рядовые члены, наоборот, участвуют в кооперативе ради снижения риска, т.е. ключевые члены выступают в роли предпринимателей, идущих на риск, а рядовые члены – в роли наемных работников (хотя это лишь аналогия, но не прямое уподобление).

Германия является страной с богатыми традициями кооперациями и с развитой системой кооперации в настоящем. Немецкие кооперативы представляют собой образец классических кооперативов, т.е. добровольных объединений мелких предпринимателей, нацеленных на достижение интересов своих членов. Это улучшение условий закупок и/или продаж, доступ на рынки. В кооперативах сохраняется независимость и экономическая ответственность членов. В Германии практически каждый фермер является членом

одного или нескольких кооперативов [28]. При этом, традиция кооперации выходит за пределы сельского хозяйства, так что сельские кооперативы - это лишь отдельная иллюстрация общего правила. Кооперативы играют важнейшую роль в обеспечении сельской местности основными товарами. Более 1600 магазинов Райффайзен предоставляют широкий ассортимент товаров для дома, сада, а также корма для животных.

В производстве зерновых на кооперативы приходится 45-50% рынка, свинины – около 20%, овощей и фруктов – 35-40%, молока – 60-65%, вина – 33-35%. При этом, если за первое десятилетие нынешнего века рыночная доля, занимаемая кооперативами, оставалась примерно стабильной (по отраслям она могла колебаться в пределах 5 процентных пунктов), то количество членов кооперативов неуклонно сокращалось. Скорее всего, это связано с сокращением числа фермеров и укрупнением фермерских хозяйств. Некоторые из кооперативов являются очень крупными экономическими образованиями, настоящими «монстрами». Например, крупнейший кооператив Германии за 2009 год – это Agravis Raiffeisen AG (зерновые), оборот которого составил чуть менее 5 миллиардов евро. Крупнейший свиноводческий кооператив – это Westfleisch eG (оборот за 2009 год составил свыше 1,8 миллиарда евро); крупнейший молочный кооператив – Nordmilch eG с оборотом также свыше 1,8 миллиарда евро. В категории фруктов и овощей лидирует Landgard eG (оборот за 2009 год свыше 1,6 миллиарда евро). Винодельческие кооперативы заметно меньше: крупнейший из них – это Württembergische Weingärtner-Zentralgenossenschaft eG с оборотом менее 90 миллионов евро (за 2009 год).

Первичные кооперативы (работающие на локальном уровне) объединены во вторичные кооперативы на уровне региона. Считается, что такие ассоциации усиливают конкурентоспособность первичных кооперативов без нарушения их самостоятельности. Чаще всего такое объединение происходит в снабженческо-сбытовых кооперативах мясной и молочной отраслей. Зачастую первичные кооперативы сотрудничают с центрами по обработке данных, которые предоставляют новейшие компьютерные технологии. Банковские, инвестиционные, лизинговые и страховые услуги могут предоставляться организациями на национальном уровне. Например, Центральный кооперативный банк Германии (DZ Bank) или R+V Страхование (R+V Versicherung). Еще одной функцией таких ассоциаций, которая со временем становится все важнее, является обучение (тренинги). Исторически образовательная деятельность была нацелена не только на работников кооперативов, но и собственно на членов. В дальнейшем, однако, целевая группа сузилась до работников: нанятых по контракту, членов правления, работников ассоциаций (вторичных кооперативов), особенно аудиторов. Обучение может проводиться как первичным кооперативом, так и ассоциациями (региональными и национальными).

Несмотря на широкую автономию первичных кооперативов, существует центральная кооперативная ассоциация на национальном уровне – Конфедерация кооперативов и обществ Райффайзен Германии (DGRV). Эта организация является одновременно головной (апексной) и аудиторской ассоциацией немецких кооперативов. Под зонтиком DGRV действуют четыре специализированные федерации на национальном уровне.

1. Национальная ассоциация кооперативных банков Германии (BVR), в которую входят 1138 кооперативных банков.

2. Федерация обществ Райффайзен Германии (DRV). Эта федерация поддерживает сельские сервисные и снабженческие (торговля потребительскими товарами) кооперативы. Сюда же включены и кооперативные банки, занимающиеся торговлей потребительскими товарами. Всего в федерацию входят 2604 сервисных, снабженческих и сельскохозяйственных кооператива.

3. Федерация закупочных и сбытовых групп Германии (ZGV). Эта ассоциация поддерживает снабженческие и сервисные кооперативы. Сюда входят кооперативы розничных торговцев продовольствием, основная часть которых входит в одну из двух крупнейших в Германии групп ритейлеров (каждая группа также представляет собой кооперативную организацию): EDEKA (Гамбург) и REWE (Кельн). В ZGV также входят кооперативы пекарей и кондитеров (BAKO). Всего в федерацию входят 1622 кооператива.

4. Центральная федерация потребительских кооперативов Германии (ZDK).

Если объединить все эти четыре ассоциации, то кооперативная система является крупнейшей экономической организацией Германии по числу своих членов (более 20 миллионов). Из четырех представленных федераций центральной организацией для сельской местности и сельского хозяйства Германии является Федерация обществ Райффайзен, созданная в 1948 году. Именно она объединяет все сельскохозяйственные снабженческие, перерабатывающие, сбытовые и сервисные кооперативы Германии. Ее основная функция – отстаивать экономические интересы своих членов (в том числе в законодательной и фискальной областях), консультировать и представлять их интересы в правовых, управленческих и фискальных вопросах (в том числе в переговорах с правительством, парламентом, на международном уровне). Также она управляет специальными фондами, за счет которых поддерживаются кооперативные институты. Федерация проводит обучение и контактирует с внешними организациями (как в Германии, так и за рубежом). Региональные ассоциации системы Райффайзен ответственны за обязательный аудит и консультирование (по самым разным деловым вопросам) своих членов.

Начиная с середины XX века, в структуре Райффайзена произошли серьезные изменения, связанные с укрупнением (а, следовательно, – сокращением числа) первичных

кооперативов. Укрупнение происходило по причине поддержки конкурентоспособности (более мелкие кооперативы не выдерживали более конкурентной борьбы), а также для того, чтобы поддерживать своих членов на необходимом уровне. Кооперативы системы Райффайзен – важный экономический агент и работодатель на селе: в 2010 году общий оборот кооперативов Райффайзен составил 41 миллиард евро, в них занято порядка 100 тысяч человек.

В Германии существует иной род организаций сельских производителей – так называемые производственные и сбытовые ассоциации (EZG). По сути, это ассоциации для ведения коллективных переговоров, торгов. Эти ассоциации были созданы в соответствии с законом о Рыночных структурах 1968г., который определял исключения из общего антимонопольного законодательства Германии. Эти ассоциации не только осуществляют коллективный сбыт, организуют продажи и транспортировку сельскохозяйственной продукции, но также они устанавливают правила, направленные на улучшение качества и однородности (стандартизация) производимой фермерами продукции. Обычно они заключают контракты с фермерами, согласно которым фермеры обязаны поставлять этим ассоциациям всю произведенную продукцию. С юридической точки зрения EZG не являются кооперативами, а регистрируются как коммерческие ассоциации. Тем не менее, их основные цели очень схожи с целями кооперативов, поэтому их можно рассматривать как особую форму сбытовых кооперативов.

EZG могут принимать любую юридическую форму. Чаще всего они становятся так называемыми «экономическими ассоциациями» – специальной юридической формой, предусмотренной в законодательстве Германии специально для таких случаев. «Экономическая ассоциация» предусматривает существование совета директоров и общего собрания. Небольшая часть EZG зарегистрированы как кооперативы или общества с ограниченной ответственностью. Чтобы получить соответствующий правовой статус от государства (и соответствующие привилегии), EZG должны соблюдать ряд условий. Во-первых, иметь юридическую форму, соответствующую организации производителей. Во-вторых, не ограничивать рыночную конкуренцию. В-третьих, есть требования к минимальному размеру (по количеству членов, производимой продукции, обрабатываемой земле). Далее, обязательные членские взносы и минимальный срок членства в ассоциации. Наконец, контроль над стандартами качества продукции.

Каждый кооператив Германии обязан быть членом какой-либо аудиторской ассоциации. Обязательный аудит имеет целью определить экономическую ситуацию в кооперативе и дать оценку тому, насколько эффективно он управляется. Обязательный аудит кооперативов выходит за рамки формального аудита ежегодных отчетов. Ассоциация

должна подготовить письменный отчет о результатах аудита. Этот отчет содержит комментарии по поводу финансовой ситуации и перспектив кооператива, оценки возможностей по привлечению капитала, ликвидности, рентабельности, перспектив расширения, структуре деловых рисков, организационной структуре, стратегических перспектив и финансового планирования. Сравнивается положение кооператива относительно других кооперативов. Отчет носит рекомендательный, а не обязывающий характер.

Кооперативы подлежат антимонопольному регулированию, так как закон об ограничениях конкуренции не является частью закона о кооперации. Последний описывает организации, а не конкурентные отношения, поэтому, будучи организациями, конкурирующими на рынке, кооперативы подпадают под антимонопольное законодательство. Как правило, кооперативы обязаны платить три вида налогов: 1) налог на корпоративную прибыль, 2) торговый налог и 3) налог на собственность. Однако есть исключения. Некоторые виды сельскохозяйственных кооперативов могут быть освобождены от уплаты данных налогов (на прибыль, торговлю, собственность). Обязательным условием освобождения от указанных налогов является ограничение деловых операций только со своими членами.

Многие кооперативы Германии имеют транснациональную природу, т.е. активны за пределами своей страны. Как правило, зарубежная деятельность кооперативов ограничена сбытом и торговлей: например, кооператив закупает продукцию у своих немецких членов и продает ее за рубеж. Или наоборот: закупает импортные удобрения или технику для своих членов – немецких фермеров. Обычно кооперативы не закупают продукцию у зарубежных фермеров и не осуществляют их снабжение, т.е. не имеют зарубежных фермеров-членов. Однако группа немецких кооперативов, которые работают с фермерами других стран-членов Европейского Союза, постоянно растет. Такие кооперативы получили название международных кооперативов. Они могут быть сбытовыми кооперативами, осуществляя закупки сельскохозяйственной продукции у фермеров различных стран, или снабженческими кооперативами, осуществляя поставки фермерам различных стран. Обычно с этими фермерами у таких кооперативов просто существуют контрактные соглашения, и зарубежные фермеры не являются членами международных кооперативов. Однако в рамках международных кооперативов выделяют группу транснациональных кооперативов, в которых членами являются фермеры из разных стран. Иными словами, транснациональные кооперативы работают поверх национальных границ с точки зрения членства. Транснационализация кооперативов – это дорога с двусторонним движением. Иными словами, есть как зарубежные кооперативы, которые работают в Германии, так и немецкие кооперативы, которые работают в других странах Евросоюза. В Германии, в основном, работают кооперативы из Дании, Швеции и Нидерландов, а немецкие кооперати-

вы активны в Польше, странах Прибалтики, Бельгии, Франции, Нидерландах. Зарубежные транснациональные кооперативы играют значимую роль в некоторых отраслях сельского хозяйства и пищевой промышленности Германии. В молочной и мясной отраслях крупные европейские кооперативы осуществили инвестиции и приобрели немецкие кооперативы и иные предприятия.

На продовольственных рынках наблюдается высокий уровень насыщения, что давит на цены. Отдельным кооперативам порой уже просто некуда расти, поскольку рынок и так насыщен. Наблюдается тенденция к укрупнению кооперативов и концентрации, так как при невозможности самостоятельного укрупнения кооперативы объединяются (или поглощаются). Внутри продуктовых сегментов наблюдается ужесточение конкурентной борьбы, так как увеличить свои обороты порой можно только отобрав долю рынка у конкурента. Укрупнение и усиление конкуренции ставит в уязвимое положение небольшие кооперативы, которые могут стать первыми жертвами такой борьбы.

На своем родном немецком рынке кооперативы все чаще сталкиваются с конкуренцией со стороны иностранных кооперативов и традиционных фирм. Первоначально относительно низкие барьеры входа и ожидания высоких прибылей привлекли конкурентов, что усилило конкуренцию. Последующая концентрация увеличила инвестиции в торговые марки (бренды), что подняло входные барьеры, т.к. агробизнес стал капиталоемким с растущими инвестициями в торговые марки. До недавнего времени такой стратегии придерживались, в основном, традиционные фирмы. Лишь недавно кооперативы осознали, что это является единственным шансом выстоять в современной конкурентной борьбе. Чтобы войти или остаться в секторе, который уже достиг точки насыщения, необходимо проводить разграничения по продукту, т.е. позиционировать свой продукт, найти для него потребителей. Смещаются также и потребительские предпочтения. Немцы тратят на еду все меньшую долю своего дохода. Поэтому продовольственные товары все больше преподносят не как продукты первой необходимости, а как статусные товары, которые относятся к здоровью, стилю жизни, уверенности и т.п.

Серьезная угроза немецким кооперативам исходит от торговых сетей, которые приобрели сильное влияние во всей цепочки поставок продовольственных товаров. Торговые сети привнесли с собой рыночную концентрацию, ценовую конкуренцию и уменьшение издержек. Получив рыночную власть, «сетевики» пытаются превратить ее в прибыль. В Германии ситуация, наверное, самая экстремальная в Евросоюзе, поскольку немецкие торговые сети являются крупнейшими в Европе, а более половины продовольствия продается с дисконтом. Ритейлеры могут выбирать среди множества поставщиков и останавливаются на нескольких в каждой товарной категории, тогда как кооперативы вы-

нуждены иметь широкую сеть дистрибуции. Торговые сети активно разрабатывают и вкладывают в продвижение собственных торговых марок для разных сегментов (от элитных до дисконтных). Для собственных торговых марок относительно легко найти поставщиков, в том числе и среди кооперативов. С другой стороны, собственная торговая марка предполагает требование к качеству и соблюдению стандартов, что порой вынуждает ритейлеров переходить к долгосрочным отношениям с поставщиками. Для кооперативов это, с одной стороны, хорошо, т.к. появляются гарантированные заказы, а, с другой стороны, это делает их зависимыми от конкретной торговой сети, потому что долгосрочные отношения зачастую предполагают специфические инвестиции (чтобы обеспечить требуемые стандарты качества).

Особая ситуация с кооперативами сложилась в восточной Германии, в областях бывшей ГДР. Она связана с трансформацией (после объединения Германии в 1990 году) государственных сельскохозяйственных предприятий в крупные частные предприятия. После объединения, значительное число членов трудовых коллективов около 4,5 тысяч сельскохозяйственных производственных кооперативов ГДР решили продолжать вести совместную экономическую деятельность в форме сельскохозяйственных кооперативов. Эти наследники СПК довольно быстро приспособились к новым условиям, рационализировав производство. Они являются важным стабилизирующим фактором на зачастую неразвитых сельских территориях восточной Германии. Обычно они являются крупнейшими региональными налогоплательщиками, обрабатывают около трети пахотной земли на востоке страны и дают работу 20 процентам всех занятых в сельском хозяйстве восточной Германии. В среднем такой сельскохозяйственный производственный кооператив состоит из 43 фермеров и членов их семей, а также нанимает 32 наемных работника. Несмотря на то, что с течением времени число сельскохозяйственных кооперативов сокращается, это сокращение происходит довольно медленно и их остается еще значительное количество (на 2007 год – 1,103 организации). Сельскохозяйственные кооперативы остаются крупнейшими по площади обрабатываемой земли (в среднем на организацию) сельскохозяйственными предприятиями Германии.

Что касается модели внутреннего управления, то в зерновом секторе значительная часть центральных кооперативов (второго и далее уровней) перешли от традиционной кооперативной модели управления к открытым акционерным обществам или обществам с ограниченной ответственностью. Их членами являются либо кооперативы (фермерские кооперативы или кооперативные банки) или крупные фермеры. Менеджмент практически всех кооперативов состоит из профессиональных менеджеров, часть из которых является членами кооператива.

Кооперативы показывают разные тенденции в различных сельскохозяйственных отраслях. Зерновые занимают более половины пахотных земель в Германии (площадь под их выращивание сокращается) и являются четвертой по важности отраслью сельского хозяйства страны, на которую приходится от 10 до 12 процентов продукции немецких сельскохозяйственных предприятий. Около четверти произведенных зерновых используется для производства продовольствия, примерно десятая часть идет на технические нужды и энергетику (и эта доля растет), а остальное идет на корма в животноводство. Отношения в цепи поставок зерновых основаны на жесткой ценовой конкуренции. На кооперативы приходится более половины поставок зерна переработчикам (мельникам), более трети поставок идет через фирмы-посредники и остальное напрямую поставляется мельникам фермерами. Как правило, у фермера есть несколько вариантов сбыта произведенного зерна. Конкурентное преимущество кооперативов в том, что они могут предложить более качественные услуги в период сбора урожая. Одной из наиболее распространенных, но и наиболее важных, услуг является предоставление хранилищ для зерна. Альтернативой хранилищам является логистические услуги (когда произведенное зерно сразу увозится покупателю). В целом, фирмы-посредники способны предложить фермерам сопоставимые услуги по сравнению с кооперативами.

В Германии работают более 30 тысяч производителей сахарной свеклы. Заводов по переработке сахарной свеклы в сахар в Германии 20 штук, которые принадлежат четырем компаниям. Две из них оформлены в виде акционерных обществ (Südzucker AG и Nordzucker AG, что на русский можно перевести как «южный сахар» и «северный сахар»), одна – в виде общества с ограниченной ответственностью (Suiker Unie GmbH) и еще одна – в виде семейного предприятия (Pfeifer und Langen KG). Эти переработчики по своим мощностям являются настоящими гигантами не только в Германии, но и в Европе в целом. Например, Südzucker AG занимает почти четверть европейского рынка, а Nordzucker AG – 15 процентов. Даже если исключить семейное предприятие (которое никак нельзя рассматривать как кооперативную организацию), остальных переработчиков также можно считать ассоциациями производителей лишь с большой натяжкой (скорее они относятся к классическим фирмам).

На производство фруктов и овощей приходится около 5 процентов сельскохозяйственного производства Германии. Овощи производятся в основном на открытом грунте. Основные производимые овощи – это капуста, салат, горох, огурцы; фрукты – яблоки, клубника. Германия импортирует примерно столько же овощей, сколько производит сама. Производство фруктов и овощей стабильное, с небольшим ростом, благодаря увеличению производительности (за счет лучших удобрений, семян, технологий, увеличения числа

теплиц и т.п.). Большинство фермеров, выращивающих фрукты и овощи, являются специализированными производителями (официально они считаются садоводами, а не фермерами). Чаще всего, переработчики заключают с фермерами долгосрочные контракты, так что значительная часть будущего урожая уже законтрактована. Цепи поставок от поставщика до конечного потребителя могут быть организованы по-разному (открытые рынки, супермаркеты, специализированные лавки, доставка на дом, предприятия общественного питания и т.п.), общая тенденция состоит в усилении роли розничной торговли и удовлетворении запросов потребителей. Более половины продаж фруктов и овощей приходится на дисконтные сетевые магазины. На фоне концентрации среди ритейлеров, производители фруктов и овощей остаются по большей части мелкими семейными предприятиями. Им трудно гибко приспосабливаться к меняющимся запросам конечных потребителей и запросам торговых сетей, которые требуют круглогодичных поставок в крупных объемах и стандартизированного качества. В этих условиях особенно важной становится управление товарными потоками за воротами фермы. Этой координацией традиционно занимаются кооперативы и ассоциации производителей. Евросоюз поддерживает ассоциации производителей фруктов и овощей и кооперативы, выделяя субсидии на инвестиции. Кооперативы могут участвовать в этой программе при выполнении некоторых условий: если они осуществляют совместный сбыт своей продукции, обеспечивают надлежащее качество продукции, снижают производственные издержки, соблюдают экологические стандарты.

4 Модели перехода от плановой экономики к рыночной

Нынешнее поколение китайских аграрников достаточно хорошо справляется с задачей оперативного анализа проблем, возникающих в ходе реализации стратегии реформы, и формулирования соответствующих рекомендаций тактического плана. При этом разногласия методологического порядка (т.е. в определении главного и наиболее перспективного из тех трех направлений, по которым сегодня идет развитие сельского хозяйства в КНР) приобретают характер полемики, уважительной по отношению к оппоненту. Это не очень характерно для отечественной традиции в общественной науке с ее навешиванием ярлыков и стремлением морально уничтожить носителя альтернативного взгляда. Но это, наверное, национальная особенность современной китайской социальной науки, которая выстрадана недавней политической историей: уважать чужое мнение, если оно достаточно глубоко обосновано, почтительно и, по возможности, с пониманием относясь ко всем страницам своей великой истории, включая народные коммуны и, конечно, фигуру председателя Мао. Стоит ли говорить, что для нас и наших коллег в отечественной социальной науке это хороший образец для подражания?

В правительственных документах неизменно подчеркивается, что система цен должна регулироваться законами рынка. В этой связи складываются благоприятные условия для доступа в общественный сектор аграрной экономики таким агентам рыночных отношений, как агробизнес, кооперативы и семейные фермы. Последние, если судить по названию, могут на первых порах быть восприняты как результат эволюции традиционных крестьянских хозяйств. Но это не совсем так. Это результат не вполне типичной их эволюции. Обычные крестьянские хозяйства, которыми представлен общественный сектор аграрной экономики КНР, объединены в коллективные деревни, и они стараются удержать свои традиционные земельные права и связанные с этим преимущества и гарантии. Доходы таких хозяйств владельцы их получают из разных источников. А те семейные фермы, которые в современных политических документах выступают в качестве новых субъектов аграрных отношений, фактически являются носителями тенденций, противоположных постепенной эволюции традиционного крестьянского хозяйства с его смешанными источниками дохода. Это хозяйства, отличающиеся высокой степенью капитализации и специализации, которые заняли свою нишу в чаяновской вертикальной кооперации и свое место в современной правительственной политике финансирования экономического развития.

Современный политический и научный дискурс в КНР исходит из того, что аграрная экономика страны – это прежде всего мелкое крестьянское хозяйство. Основная поле-

мика разворачивается по вопросу о том, насколько оно сегодня жизнеспособно и насколько целесообразна политика по его поддержке и развитию. В партийно-правительственных кругах и среди ученых есть достаточно людей, которые убеждены в том, что основным направлением аграрной политики должно быть крупное сельское хозяйство с высокой степенью капитализации предприятий агропромышленного комплекса. Влиятельная группа ученых стала публиковать статьи на китайском языке, отстаивающие необходимость и целесообразность такого подхода, еще с 1988 года. В результате Политический Документ №1 центрального правительства КНР 2013 года провозгласил финансовую поддержку крупных специализированных хозяйств на местах, которые должны со временем вытеснить мелкие многопрофильные крестьянские хозяйства. Фактически это было объявление курса в направлении раскрестьянивания социально-экономической жизни Китая и достижения господства капитализированных предприятий в этой сфере экономики страны.

Однако многие авторы научных публикаций занимают прокрестьянскую позицию, указывая на большие риски и серьезные минусы, которые содержит форсирование проникновения капитала в сельское хозяйство. Главный аргумент представителей этого направления исследований состоит в том, что, с одной стороны, очевидны острые социальные проблемы, которыми наверняка обернется быстрое разорение мелких семейных хозяйств; с другой стороны, такие хозяйства содержат ряд конкурентных преимуществ по сравнению с агробизнесами и большими фермами. Специалистам это известно еще по работам русских ученых организационно-производственного направления и их лидера А.В. Чаянова. Например, один из авторов многочисленных публикаций этого плана обосновывает вывод о том, что «крестьянское хозяйство, комбинируя доход от сельскохозяйственной деятельности с доходом от отхожего промысла, не только реализует чисто крестьянский интерес, но и составляет ключевое условие для поддержания конкурентоспособности продукции с брендом “Made in China”». По его оценке, в течение следующих 30 лет порядка 600-800 миллионов китайцев, включая крестьян, мигрирующих в поисках побочного заработка, все еще будут оставаться в прямой зависимости от результатов земледельческого труда членов своих семей – следовательно, мелкого семейного крестьянского хозяйства в обозримом будущем никуда не деться [29, р. 367].

Аграрники прокрестьянского направления также пишут и о том, что в современном мире большие перспективы имеет восстановление в Китае мелкого семейного производства экологически чистой сельхозпродукции, чему также не способствует излишнее увлечение идеями преимущественного финансирования из государственных средств больших специализированных ферм. При этом критичное отношение ученых данного направления к агробизнесу и его роли в аграрной экономике страны в целом может проявляться в раз-

ной степени, в зависимости от контекста конкретного исследования. Так, в одном из исследований речь идет о позитивном опыте сотрудничества между крестьянскими хозяйствами и местным предприятием агробизнеса и выясняется, что разумное разделение труда, распределение обязанностей между сторонами сотрудничества возможно: крестьяне охотно делегируют агробизнесу те задачи, с которыми их хозяйства не в состоянии справиться самостоятельно. В другом – описывается ситуация, в которой приток капитала на село оборачивается непредвиденными негативными последствиями и для капитала, и для крестьян [29, р. 367].

Высказывается в литературе и то соображение, что при анализе проблем капитализации аграрного сектора экономики необходимо делать различие по признаку происхождения капитала, идущего на село. Есть основания считать, что городской капитал с его жесткой направленностью на извлечение прибыли, приходя в сельское хозяйство, может маргинализировать семейные хозяйства, ослабляя их покупательную способность, а тем самым – и возможность получать прибыль от сельскохозяйственных работ. Чтобы подчеркнуть эту разницу между городским капиталом и капиталом, который накапливается самими крестьянами с намерением вложить его в развитие своей экономики, в отношении этого последнего в литературе даже употребляется выражение – «капитал, добытый потом и кровью» [29, р. 368].

Исследователи, придерживающиеся такого взгляда, рассматривают особенности функционирования обоих типов капитала в экономике сельского хозяйства и приходят к убеждению, что мелкие семейные хозяйства имеют тенденцию не к разорению и исчезновению, но к ому, чтобы составить более важный фактор капитализации китайской аграрной экономики по сравнению с государственными или частными предприятиями. Это опровергает положение классического марксизма о том, что пролетаризация – неизбежное последствие развития капитализма в сельском хозяйстве. Одно из исследований, в котором во главу угла поставлена эта, по сути, методологическая для аграрной науки проблема, так и называется: «Капитализация без пролетаризации» [30]. По мнению его авторов, будущее китайского сельского хозяйства – это ни капитализм (на стимулирование которого фактически направлена сегодня политика центральной власти), ни социализм (который центральная власть неизменно использует в своих официальных документах как символ преемственности курса внутренней политики). Они полагают, что этот будущий «изм» как понятие, более точно отражающее реальные тенденции эволюции аграрной экономики КНР, должен быть как-то связан с именем А.В. Чаянова – Chayanovian [30, р. 140].

Йен Хайронг и Чен Юйан, будучи убежденными сторонниками такого методологического подхода к анализу современных проблем в сельском хозяйстве КНР, вполне доб-

росовестно используют в заголовке своей статьи («Капитализация без капитализма?») эту аллюзию – «Капитализация без пролетаризации». Поэтому они достаточно подробно пишут о том, как авторы исследования 2012 г. анализировали постановку вопроса об аграрном капитализме в трудах наиболее выдающихся теоретиков прошлых лет: Маркс, русские народники, Ленин, Чаянов. Собственный анализ Йен Хайронг и Чен Юйана в этом направлении (в частности, размышления Ленина о будущем аграрном капитализме в России: «сверху», т.е. по «прусскому» пути, или «снизу» – по «американскому») позволяет им выдвинуть то теоретическое положение, доказательству которого и посвящена их статья: капиталистическая динамика в аграрном секторе современного Китая имеет место и «снизу», и «сверху» [29, р.370].

Они достаточно подробно комментируют приведенный в статье «Капитализация без пролетаризации» обзор той научной полемики между выдающимися теоретиками общественного развития по вопросам аграрного капитализма, под знаком которой проходила интеллектуальная история Европы во второй половине XIX века. Так, Ф. Энгельс еще в 1857 году писал, что Россия обречена на капитализм во всех сферах ее народного хозяйства; в то время как К. Маркс уже в 1877 году в послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» открыто заявлял, что дебаты с идеологами русского народничества убеждают его: Россия имеет реальный исторический шанс избежать всех превратностей, который предполагает путь капиталистического развития. Энгельс в 1892 году подтвердил свою приверженность марксистской ортодоксии: будущее крестьянской России – за аграрным капитализмом. Но в марте 1881 года Маркс в ответе на письмо В.И. Засулич, интересовавшейся, как должен выглядеть марксизм в его российском варианте, открытым текстом написал: изучение русской крестьянской общины, в том числе и на оригинальных русских источниках, убеждает его, что община – основа социального возрождения России. Далее авторы китайского исследования 2012 года приводят анализ принципиального различия в подходах по вопросу аграрного развития России в XX веке между В.И. Лениным и А.В. Чаяновым, ссылаясь при этом и на известные ленинские оговорки в предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России», и на англоязычную публикацию чаяновской «Организации крестьянского хозяйства», и на специальное исследование на эту тему, опубликованное Г. Бернштейном [31]. Йен Хайронг и Чен Юйан, отметив своевременность привлечения к анализу этого исторического спора почти столетней давности, подчеркивают, что одна из важных задач их собственного исследования – показать, «какой свет тот спор может пролить на понимание китайского аграрного перехода. Центральную проблему полемики между Лениным и Чаяновым составляет вопрос о том, как интерпретировать крестьянское неравенство и насколько это неравенство связано с пере-

ходом к капитализму в сельском хозяйстве. Ленин предполагал, что социальные причины, по которым крестьянство распадается на три класса – бедноту середняков и богатых крестьян – коренятся в тенденции к поляризации. Он объяснял неравенство динамикой классового развития. Чаянов предлагал демографическое объяснение очевидного неравенства между крестьянскими хозяйствами в категориях их места в демографическом цикле и их трудо-потребительского баланса, которыми и определялось расширение или свертывание производства. Таким образом, то, что выглядело как неравенство, Чаянову представлялось временным явлением, не отражающим долгосрочной тенденции. Чаяновский анализ крестьянской экономики исходил из того, что крестьянское семейное хозяйство является натурально-потребительским и опирается исключительно на семейные трудовые ресурсы. Он также строился на том предположении, что крестьянское хозяйство – это семейное производство, ориентированное на нужды и потребности простого воспроизводства, и в этом отношении оно принципиально отличается от капиталистического предприятия, ориентированного на прибыль и накопление» [29, р. 369-370].

Обобщая весь этот ценный опыт аграрных дебатов прошлого, Йен Хайронг и Чен Юйан указывают на тот факт, что исторический опыт Китая, подошедшего к осуществляющейся в настоящее время аграрной реформе, содержит серьезные ограничители для прямых аналогий, прямого применения тех или иных теоретических положений, которые оттачивались в этих спорах. «Современный аграрный переход в Китае отличается от “классической” ситуации тем, что он осуществляется уже в условиях, когда в Китае избыток капитала» [29, р. 371]. Эта проблема избыточного капитала в КНР была зафиксирована Мировым банком еще в конце 1990-х годов, и на нее указал китайский экономист Лин Ыфу, бывший ведущий экономист Мирового банка, в интервью одному из китайских средств массовой информации. Этим объясняется феномен «капитала, идущего на село» как источника капитализма «сверху». И роль государства, таким образом, сводится не только к разнообразному стимулированию капитализма «снизу» в китайской деревне с целью придания определенной динамики развитию экономики сельского хозяйства. У государства появляется возможность обеспечения всех возможностей проникновения в деревню капитализма «сверху». Авторы статьи усматривают сходство в теоретических и политических позициях, которые занимают современные китайские прокрестьянские аграрники, и тех, что были в свое время характерны для русских экономистов народнического толка: те и другие критично настроены по отношению к капитализму «сверху», т.е. к действиям государства, облегчающим развитие аграрного капитализма; те и другие либо стараются не обращать внимание на развитие сельского капитализма «снизу» (через кре-

стьянское накопление капитала, «добытого потом и кровью»), либо даже относятся к этому с пониманием и симпатией.

Отметим, что во времена экономистов-народников в России у государства с капиталом было настолько туго, что о «капитале, идущем на село» не могло быть и речи. Скорее, наоборот, из деревни выжимались все соки самыми разнообразными способами, включая пресловутый выкупной платеж. Когда эти выкупные платежи были, наконец, отменены, – что можно с некоторой натяжкой считать «капиталом, пришедшим на село сверху», – и тем самым покупательская способность крестьян и емкость внутреннего рынка были существенно увеличены, у государства российского не нашлось другого способа стимулирования «крестьянского капитализма снизу», кроме попытки жесткими (до жестокости) административными мерами ликвидировать общину. Попытка провалилась. Хотя в современной отечественной историографии существует много литературы, в которой доказывается обратное: реформа была успешной, просто, мол, не хватило времени довести наметившиеся «позитивные тенденции» до полного успеха. Наверное, тогда бы у мыслителей либерального направления был на руках мощный козырь: вот как нужно проводить аграрное реформирование в странах крестьянской цивилизации – путем мудрого законодательства поддержать «естественные» процессы развития капитализма в деревне «снизу», и вхождение России в дружную семью цивилизованных европейских наций обеспечено.

Но реформа была провальной по самому своему замыслу. И опыт аграрного реформирования современного Китая подтверждает этот принципиальный, даже методологический, вопрос российской истории. Ее провал был для современников совершенно очевиден, в этом были вполне единодушны и народники/эсеры, и большевики, и даже такие тонко чувствующие общественную реальность люди, как писатели. Объяснения этому, конечно, были разными у В.И. Ленина и у В.М. Чернова. А у правительственных чиновников, которые никак не хотели признавать этот провал (что роднит их с их российскими коллегами 1990-х – начала 2000-х годов), было свое объяснение, в котором как раз и фигурировали Ленин и Чернов, точнее – социалистическая большевистско-эсеровская агитация и пропаганда против реформы правительства. В современном крестьяноведении описана общая закономерность, которая здесь сработала: чем жестче административное давление на деревню в дорыночном крестьянском обществе, тем более цепко жители деревни держатся за свои традиционные институты самоорганизации [32, р. 16-17].

Изучая хозяйственно-экономические уклады, которые существовали в советской доколхозной деревне, В.П. Данилов полагал, что эти уклады успели достаточно четко оформиться в этот небольшой исторический срок [33]. По-видимому, причиной этому

следует считать то развитие, которое получила теория и практика сельскохозяйственной кооперации в довоенное время. Две опустошительные войны фатально отразились на кредитно-финансовой системе государства. Деревня оказалась отброшена назад в своей социально-экономической эволюции. Ростки капитализма и рынка в стране в целом, в деревне – в особенности, оказались сильно побиты этим заморозком. Специалистам остается спорить, насколько сильными были эти ростки и насколько фатальным для них оказался «заморозок» архаизации, но факт остается фактом: в благоприятных условиях нэповского рынка в деревне все восстанавливалось довольно скоро.

Работа В.П. Данилова 1974 года о социально-экономических укладах в нэповской деревне здесь интересна для нас, прежде всего, тем, что в ней отчетливо видны те «красные флажки», за которые в этом ключевом для советской историографии вопросе не пускала идеология. Прекрасный знаток реального положения дел в деревне той поры вынужден был втискивать это свое знание в хрестоматийную трехчленку: капитализм, социализм, мелкотоварность. Ему удается протащить в статью свою же формулировку из работы 1961 года о том, что такой подход ограничивается районами, успевшими «до 1917 года прочно вступить на путь капиталистического развития» [33, с. 62], что после упомянутого выше разгрома «нового направления» в советской историографии можно считать удачей ученого. Со ссылкой на исследование В.С. Немчинова он также намекает на существование в деревне и докапиталистического уклада – а ведь это не что иное, как община.

Позже Данилов станет одним из самых последовательных критиков коллективизации. И в качестве одного из инструментов этой критики он будет использовать популярный в 1990-е годы прием гипотетической ретроспективной альтернативы: из всех форм крестьянской кооперации с их сложным и тесным взаимодействием и взаимопроникновением (которое он исследовал глубоко и профессионально), в СССР мог бы вырасти совсем другой аграрный социализм, более эффективный в экономическом отношении и гуманный – в социальном. Некоторые исследования западных советологов укрепляли его в этом убеждении, а хорошее знание трудов А.В. Чаянова и других ученых ОПН, а также работ Н.И. Бухарина позволяло утверждать: у аграрников и политиков прошлого были и неплохо проработанное теоретически представление о дальнейшем пути аграрного развития страны, и политическая воля двигаться именно в этом направлении. В.П. Данилов как глубокий знаток тех потенциальных возможностей, которые были в 1920-е годы для дальнейшего развития крестьянского сельского хозяйства в 1930-е годы, был убежден: чтобы лучше понять, что и почему реализовалось в истории страны, необходимо хорошо представлять, что могло бы реализоваться и какие факторы тому воспрепятствовали.

Изучая положение в аграрном секторе своей экономики и возможные перспективы его дальнейшего развития, китайские аграрники философски относятся к тому, что в правительственных документах на этот счет все время говорится о социализме, в то время как ключевое слово для анализа реально осуществляемого курса аграрной политики – капитализм, капитал, капитализация. В своей статье 2015 года о капитализме «сверху» и «снизу» в китайском сельском хозяйстве авторы, отталкиваясь от работы своих коллег и единомышленников 2012 года [30], ставят своей задачей показать, что использование макроэкономических данных для изучения самого феномена наемного труда в этой сфере народного хозяйства и тенденций его развития недостаточно. Эти данные не дают возможности уловить многие важные нюансы этого феномена, которые становятся различимы только при условии проведения полевого исследования. Чтобы показать, как это работает, они предлагают три так называемых “case-studies”, иллюстрирующие, как процессы капитализации «сверху» и «снизу», переплетаясь, протекают сегодня на китайских аграрных предприятиях трех основных типов: агробизнесы, большие семейные фермы, кооперативы.

Красноречивы и макроэкономические показатели, отражающие дифференциацию жителей сельской местности. Они отражают более высокий уровень социального неравенства в деревне по сравнению с городом. Для нас они представляют особый интерес, поскольку нам хорошо известны соответствующие показатели по Российской Федерации, равно как и предположение, что в реальности разрыв между бедностью и богатством в нашей стране, вероятно, еще выше, чем это отражает официальная статистика. В сельских районах КНР доход на душу населения 20% наиболее обеспеченного населения в 8,2 раза превышает таковой 20% наименее обеспеченных граждан. Рост по этому показателю составил с 1990 года 1,8 раза. В сравнении с городом, где 20% богатых получают в пять раз больше, чем 20% бедных, разрыв более значительный. Если же смотреть динамику роста доходов 10% наиболее обеспеченных граждан КНР и 10% наименее обеспеченных, за период с 2001 по 2011 доходы первых возросли вдвое быстрее, чем доходы вторых. Абсолютные показатели дают превышение доходов 10% самых богатых китайцев над таковыми 10% самых бедных более чем в сорок раз [29, р. 372-373].

Появление «новых субъектов сельского хозяйства», как их именует официальная политическая риторика, имеет одним из своих последствий усиление динамики социально-классовой дифференциации. Во всех трех приводимых ниже case studies эта динамика является следствием взаимодействия капитализации «сверху» и «снизу», хотя характер этого взаимодействия в каждом из описанных случаев имеет свою специфику. Предприятия типа «Голова дракона» (агробизнесы) наилучшим образом иллюстрируют капиталистическую динамику «сверху». С конца 1990-х годов предприятия этого типа получают

неизменную поддержку от государства как играющие особую роль в правительственной стратегии развития контрактного сельского хозяйства. В 2000-2005 годы более 580 таких предприятий были определены центральным правительством как «ключевые предприятия» отрасли; по оценкам региональных правительств таких предприятий насчитывалось более 2000. Это агробизнесы, играющие ведущую роль в вертикальной интеграции товарного производства сельскохозяйственной продукции. С 2004 года Политический документ № 1 каждый год неизменно подчеркивает большую роль предприятий этого типа в экономическом развитии страны. В результате к 2013 году в стране насчитывалось 120000 предприятий «голова дракона», имевших налаженные связи с 40% крестьянских хозяйств.

Сложились следующие формы такой интеграции: 1) государство проводит правовую и кадастровую политику, направленную на облегчение перехода земли хозяйств из владения в собственность с правом залога ее под кредит; часть членов семейных хозяйств превращается в городских жителей с передачей своей земли агробизнесу и преимущественным правом трудиться на ней в качестве работников этой «головой дракона»; 2) семейные хозяйства обращают свои земли в акции местного агробизнеса, по-прежнему продолжая трудиться здесь – теперь уже на его земле, но получая при этом свои дивиденды по акциям; 3) агробизнес арендует землю хозяйства, члены которого продолжают привычный труд на ней, получая ренту; 4) семейные хозяйства образуют кооператив, который вступает в правовые отношения с местным агробизнесом.

Рыночные условия в китайском сельском хозяйстве 1980-х годов уже позволяли некоторым крестьянам становиться сперва просто зажиточными, а затем переходить и к накоплению капитала. В 1980-е годы пресса любила приводить примеры таких зажиточных хозяйств и «поместий», описывая успехи предприимчивых крестьян. В 1992 году в районе Хуангпи провинции Хубэй появилось первое хозяйство, которое вполне открыто именовало себя «поместием». Затем такие вещи стали возникать сплошь и рядом. В 2002 году только в Хуангпи насчитывалось 245 поместий, в которых работало по найму 13650 человек. В 2002 году в этом районе состоялся семинар с участием ученых и предпринимателей, участники которого с энтузиазмом говорили об этой форме организации аграрного производства и призывали к тому, чтобы появился «капитал, идущий на село».

К 2012 году 2,7 млн. крестьянских хозяйств и «семейных ферм» обрабатывали участки в 100 и более му, что во много раз превышало средний крестьянский надел в 7,5 му. В разных регионах по-разному определяют, что следует считать «семейной фермой». Но когда в 2012 году Министерство сельского хозяйства провело обследование, выяснилось, что по 877000 обследованным семейным фермам средний размер обрабатываемой земли составляет 200 му, что почти в 27 раз превышает среднестатистический крестьян-

ский надел. Количественно эти фермы составляли 0,34% всех крестьянских хозяйств Китая, которых насчитывалось 260 млн, и они обрабатывали 13,4% всех сельскохозяйственных земель страны (статистика включает только земли частных крестьянских хозяйств – без государственных аграрных предприятий). Среди самих обследованных семейных ферм разница огромная: 1,8% из их числа возделывают от 500 до 1000 му, или в 66-133 раза больше, чем средний размер земли в крестьянском хозяйстве; 1,9% – свыше 1000 му [29].

С конца 1980-х годов многие страны, которые позднее стали относить к категории постсоциалистических, столкнулись с перестройкой своего сельского хозяйства, связанного с приватизацией и приспособлением к рыночным условиям. Этот переход вызвал множество проблем, связанных, прежде всего, со структурными изменениями на предприятиях и влиянием этих перемен на жизнь в сельских районах. Причем, неопределенность в будущем, как для реорганизованных предприятий, так и для сельских территорий порой все еще не преодолена. На фоне трудностей в сельском хозяйстве значительного числа постсоциалистических стран, трансформации в сельском хозяйстве ГДР кажутся настоящей историей успеха: наряду с ростом производительности сельскохозяйственного производства, реорганизованные предприятия оказались способными конкурировать на глобальных рынках. Оценивая сельскохозяйственные преобразования в бывшей ГДР, можно с уверенностью говорить о том, что они были успешными. Во-первых, по их результатам появились конкурентоспособные на мировых рынках сельскохозяйственные предприятия. Во-вторых, они привели к резкому росту производительности (в 1989 году производительность сельскохозяйственных предприятий ГДР сильно уступала странам тогдашнего Евросоюза). Этот успех был похож на чудо, учитывая то, что итоговый результат не соответствовал ни одной из двух полярных точек зрения на аграрные преобразования в Восточной Германии после воссоединения. Одна точка зрения исходила от правительства Гельмута Коля и состояла в том, чтобы обустроить сельское хозяйство Восточной Германии по западногерманскому образцу, т.е. положить в основу мелкие семейные фермерские хозяйства. Вторая точка зрения принадлежала председателям производственных кооперативов – основы сельскохозяйственной системы ГДР, – которые хотели сохранить статус своих предприятий и продолжать работать в форме крупного аграрного производства. Итоговый результат преобразований не соответствовал ни одной из этих двух позиций. Причиной тому стали цейтнот, неопределенность и победа фактов над идеологией.

Трансформация сельского хозяйства ГДР ставила перед собой две цели: 1) приватизация социалистической собственности среди работников и тех, кто в свое время инвестировал землю и капитал при создании производственных кооперативов; 2) адаптация к

рыночным условиям. Последнее означало приспособление к европейским ценам и достижение среднеевропейской продуктивности. Например, цены на сельскохозяйственную продукцию в Европе были значительно ниже, чем в ГДР, и составляли только 35% последних. Средства производства (машины, семена, удобрения и т.п.) также были в Европе дешевле, но не настолько сильно – всего лишь 70% от стоимости в ГДР. Сборы зерновых и надой молока на сельхозпредприятиях ГДР составляли 80% от западногерманских показателей, а картофеля и сахарной свеклы и того меньше – 50-60%. Таким образом, чтобы не быть уничтоженными европейской конкуренцией, восточногерманским предприятиям следовало в сжатые сроки приспособиться к менее благоприятным ценам и нарастить собственную производительность. Для этого требовались инвестиции и сокращение рабочей силы.

Основными препятствиями к образованию массового слоя семейных фермеров на базе социалистических производственных кооперативов стали недостаток предпринимательских способностей и капитала. Фермеру необходимы специальные агрономические знания, без которых было бы невозможно выжить в конкурентной среде. Размер земли для фермерского хозяйства по итогам реституции был намного меньше оптимального в экономическом смысле земельного надела. Поэтому собственникам земли нужно было либо сдавать землю в аренду, либо прикупить себе еще земли, чтобы вести конкурентоспособное сельскохозяйственное производство. По причине особых требований к руководителю предприятия, руководить вновь образованными на месте кооперативов сельскохозяйственными предприятиями стали старые кадры – руководство социалистических кооперативов. Это произошло несмотря на то, что все руководящие позиции на вновь образованных предприятиях заполнялись с процедурой открытого конкурса.

Вновь образованные предприятия не владели землей (нередко даже той, на которой стояли их здания) и их собственность была поделена на паи. Пайщики претендовали на дивиденды со своих долей. Многие из них решили продать паи, усилив концентрацию собственности в руках немногих, которыми чаще всего оказывались руководители сельхозпредприятий. Ситуация была похожа на российскую, когда после приватизации все работники получили паи, но не понимали их ценность и часто продавали. В результате, часто эти паи концентрировались в руках руководства, которое становилось владельцем предприятия. Период неопределенности для крупных предприятий продолжался примерно 10 лет, хотя сами предприятия приспособились к такой окружающей среде быстрее. Наиболее серьезные риски для вновь образованных предприятий крылись в земле и старых долгах. В течение длительного периода государственные фонды перераспределения земли выдавали землю в аренду крупным предприятиям только на 1 год, что ставило его в

довольно зыбкое и неуверенное положение. Также и ситуация со старыми долгами висела дамокловым мечом над этими предприятиями. Лишь в начале 2000-х годов обе проблемы разрешились в пользу сельхозпредприятий: долги списали, а землю стали выдавать в аренду на более длительные периоды.

Сельскохозяйственная трансформация, проводившаяся правительством, никак не затрагивала вопросы развития сельских территорий. Между тем, они сильно пострадали от распада сельскохозяйственных кооперативов, которые раньше были ответственны за социальную сферу и услуги. После трансформации, даже сохранившиеся в виде крупных сельхозпредприятий наследники кооперативов сконцентрировались на сельскохозяйственном производстве. Социальная сфера досталась местным администрациям, а услуги стали оказывать другие частные предприятия. Задача увеличения продуктивности заставляло предприятия интенсивно увольнять работников, так что на данный момент осталось лишь 30% от прежнего числа занятых в сельском хозяйстве. Здесь стоит учесть, что примерно треть занятых в социалистических кооперативах работали в социальной сфере, услугах, ремонте и транспорте. Сегодня сельские районы страдают от безработицы, что заставляет людей уезжать (особенно молодых женщин). Хотя нынешние пособия по безработице порой превышают зарплаты в ГДР по покупательской способности.

В восточногерманских землях есть и еще одна проблема, особенно заметная при сравнении с Западной Германией. В последней исторически сложились множественные союзы и ассоциации (профессиональные, религиозные, политические, досуговые и т.п.), в которые сельчане активно вовлечены. В ГДР подобные структуры были развиты гораздо слабее (можно сказать, что их вообще там не было). Более того, на данный момент ситуация с такими структурами в восточных землях практически не изменилась. Не развилась и кооперативная структура. Кооперативы существовали в Восточной Германии до коллективизации, однако после объединения страны их не смогли реанимировать. Это стало особенно очевидно, когда кооперативы соседних регионов Западной Германии попытались распространить свою деятельность на восточногерманские земли. Они просто не нашли спроса на свои услуги. Крупные восточногерманские сельхозпредприятия, хотя часто и называются кооперативами, но предпочитают за кредитами обращаться в банки, продавать продукцию оптовикам, а за советом обращаются в консалтинговые фирмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении десятилетий в российских и зарубежных публикациях, а также на многочисленных конференциях самых разных масштабов постоянно возникают споры о том, насколько активен должен был исследователь с точки зрения воздействия на объект собственного интереса. Подобные дискуссии принимают разные форматы с точки зрения своей тональности, аргументации и состава участников: иногда вопросы о том, зачем вообще проводятся социологические опросы или полевые наблюдения, задают сами респонденты/информанты, не видящие в будущем никаких перспектив ни для себя лично, ни для своего поселения; бывает, что соответствующие вопросы скандальной тональности задаются на научных мероприятиях, когда, например, от докладчика о масштабах очаговой депопуляции на сельских территориях требуют рассказать, что лично он сделал для того, чтобы спасти российское село, и т.д. Во-первых, не только в сельских районах и аграрной отрасли, но и в целом в российском обществе слишком слабы и малочисленны проявления общественной инициативы, кооперации и коллективного действия. Во-вторых, российская наука трепетно и бережно (хотя и не всегда) относится к фундаментальным, теоретическим и историческим исследованиям, склонна к критической саморефлексии и анализу «работоспособности» своих методологических оснований. Соответственно, российская аграрная наука неизбежно оказывается более тематически узкой, чем нынешняя западная традиция по причине объективных «пробелов» в разных форматах низового коллективного активизма, но в то же время более тематически широкой в том, что касается проработки категориального аппарата аграрных исследований, реконструкции исторической эволюции теоретических и политико-экономических моделей решения аграрного вопроса, а также критического анализа нынешнего научного и официального дискурса применительно к деятельности агропромышленного комплекса и сельской жизни в целом.

К сожалению, многие полевые исследования ограничиваются тем, что предоставляют факты без внятного теоретического объяснения неудач или не слишком больших успехов аграрного реформирования в целом или кооперативного движения в частности. Нам представляется необходимым основываться на длительном тщательном изучении достаточно репрезентативного материала, акцентируя внимание, в том числе, на анализе социальных издержек низовой мобилизации или, наоборот, ее отсутствия. Тогда, например, можно будет увидеть четыре важных фактора неудач кооперативов в странах БРИКС: социальная дифференциация сельских сообществ, вторжение рынка и связанная с ним капитализация аграрных отношений, дефицит социального капитала в обществе и непродуманные действия государства в этом направлении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Аграрная Европа в XXI веке / Под общ. ред. Э.Н. Крылатых. М., 2015.
- 2 Чаянов А.В. Письмо В.М. Молотову // Не публиковавшиеся и малоизвестные работы. М., 2003.
- 3 Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке: в 2-х ч. Ч.2. М., 2011.
- 4 Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. в 5-ти тт. Т.2. М., 2000.
- 5 Труды первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов (1930). Т.1. М., 1930.
- 6 Совещание специалистов по вопросу об организации крупных советских хозяйств (зерновых фабрик) 16 мая 1928 года. РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 7. Д. 109. Л. 174-232.
- 7 Никулин А.М. Американские аграрники в СССР: «Ты теперь в совхозе!» // Знамя. 2008. №10.
- 8 Чаянов А.В. Совхозы-гиганты // Экономическая жизнь. 1928. №255
- 9 Никулин А.М. Чаяновская версия коллективизации // Отечественные записки. 2004. №1.
- 10 Чаянов А.В. Техническая организация зерновых фабрик // Экономическое обозрение. 1929. №12.
- 11 Чаянов А.В. Новые кадры нового земледелия // Социалистическое земледелие. 1930.5 января.
- 12 Зеленин И.Е. Первая советская программа массового освоения целинных земель (конец 20-х – 30-е годы) // Отечественная история. 1996. №2.
- 13 Назаренко В.И. А.В. Чаянов и зарубежная аграрно-экономическая наука // Вестник сельскохозяйственной науки. 1988. №8.
- 14 Шанин Т. Наследие А.В. Чаянова: положения теории, ошибочные толкования и современные теории развития // Вестник сельскохозяйственной науки. 1989. №2.
- 15 Agriculture in the Age of Fascism: Authoritarian Technocracy and Rural Modernization, 1922-1945. Turnhout, 2014.
- 16 Мерль Ш. Как удалось Сталину воспрепятствовать «зеленой революции» в России? К вопросу о торможении аграрно-технического прогресса (1927-1941) // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Вып. 10. М., 2015.
- 17 Bruisch K. Als das dorf noch zukunfft war: agrarismus und expertise zwischen zarenreich und sowjetunion. köln: böhlau (beiträge zur geschichte osteuropas, 47), 2014.
- 18 Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М., 2015.
- 19 Бернштейн Г. Социальная динамика аграрных изменений. М., 2016.
- 20 Страны БРИКС: Комплексный системный анализ, математическое моделирование и прогнозирование развития. М., 2016.
- 21 Food and Agriculture Organization of the United Nations. Food and Agricultural Commodities Production. 2012 // <http://faostat.fao.org/site/339/default.aspx>.
- 22 Schneider S., Shiki S., Belik W. Rural development in Brazil: overcoming inequalities and building new markets // Rivista Di Economia Agraria. 2010. Vol.65. No.2.

- 23 Song Y., Qi G., Zhang Y., Vernooy R. Farmer cooperatives in China: Diverse pathways to sustainable rural development // *International Journal of Agricultural Sustainability*. 2014. Vol.12. No.2.
- 24 Huang J., Rozelle S. Technological change: the rediscovery of the engine of productivity growth in China's rural economy // *Journal of development economics*. 1996. Vol.49. No.2.
- 25 Xiao Y., Nie F. A report on the status of China's food security. Beijing, 2009.
- 26 Deng H., Huang J., Xu Zh., Rozelle S. Policy support and emerging farmer professional cooperatives in China // *China Economic Review*. 2010. Vol.21. No.4.
- 27 Liang Q., Hendrikse G. Core and Common Members in the Genesis of Farmer Cooperatives in China // *Managerial and Decision Economics*. 2013. No.34.
- 28 Kühl R. Support for Farmers' Cooperatives; Country Report Germany. Wageningen, 2012.
- 29 Yan Hairong, Chen Yiyuan. Agrarian Capitalization without Capitalism? Capitalist Dynamics from Above and Below in China // *Journal of Agrarian Change*. 2015. Vol.15. No.3.
- 30 Huang P.C.C., Y. Gao, Y. Peng. Capitalism without Capitalization in China's Agricultural Development // *Modern China*. 2012. Vol.38. No.2.
- 31 Bernstein H. V.I. Lenin and A.V. Chayanov: Looking Back, Looking Forward // *Journal of Peasant Studies*. 2009. No.36.
- 32 Wolf E. Peasants. N.J., 1966.
- 33 Данилов В.П. Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие // *Новая экономическая политика: вопросы теории и истории*. М., 1974.
- 34 Oliveira G., Schneider M. The politics of flexing soybeans: China, Brazil and global agroindustrial restructuring // *Journal of Peasant Studies*. 2016. Vol.43. No.1.
- 35 Rose N. *Governing the Soul: Shaping the Private Self*. L., 1990.
- 36 Schneider S., Niederle P.A. Resistance strategies and diversification of rural livelihoods: the construction of autonomy among Brazilian family farmers // *Journal of Peasant Studies*. 2010. Vol.37. No.2.